

0-38

223630

N1

ОТНМ
КУЗБАССА

1968-1

Год издания 20-й

1968

**ОГНИ
КУЗБАССА**

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

ОРГАН
КЕМЕРОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР

*Редакционная
коллегия:*

*Е. Буравлев,
А. Волошин,
Г. Емельянов,
Н. Зеленин,
В. Мазаев (редактор),
В. Махалов,
О. Павловский (отв. секретарь)*

*Адрес редакции: Кемерово,
Советский пр., 44*

*Художник Г. ЕФРЕМОВ
Художественный редактор О. КРАСОВА
Технический редактор Г. РУДИНА.
Корректоры: В. КУЙБИНА,
Т. ТРУСОВА*

*Сдано в набор 8.XII.1967 г. Подписано к
печати 25.IV.1968 г. Формат 70×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 2. ОП 02291.
Усл. печ. л. 5,85+вклейки 0,39 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 6,85. Тираж 5000.
Заказ № 10466. Цена 27 коп.*

*Кемеровское книжное издательство.
Кемерово, Советский пр., 94.
Типография № 1 управления по печати
Кемеровского облисполкома.
Кемерово, Ноградская, 5.*

ОГНИ КУЗБАССА

№ 1

РУБРИКИ

- 2—43 ОЧЕРКИ, ПОВЕСТИ,
СТИХИ.
- 44—45 У НАС В ГОСТЯХ ПО-
ЭТЫ ТОМСКА.
- 46—48 МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ
НОВОКУЗНЕЦКА.
- 49—60 ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАН-
СТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ.
- 61—63 ВРЕМЯ — ЛЮДИ —
ВРЕМЯ.
- 64—67 СЛОВО — КРИТИКЕ.
- 69—72 ЧИТАТЕЛЮ — НА
КНИЖНУЮ ПОЛКУ.
- 73—76 ВЕСЕЛАЯ МИНУТКА.

386158

На вклейках — работы художника
РЕЙНГОЛЬДА БЕРГА

СОДЕРЖАНИЕ

- 2 Вен. БЕЗРУКОВ. Дерево
Ленина.
- 3—12 Ю. КАНДЫБА. В лесах
Ванавары.
- 13 В. БАЯНОВ. Зимним ут-
ром. «Как вихрь лечу...».
«В ночном бору такая ти-
шина...». Стихи.
- 14—24 В. МАЗАЕВ. Гармошка
на том берегу. Рассказ.
- 25 В. МАХАЛОВ. «Отпусти
меня, мама...» Утро.
Стихи.
- 26—42 А. ВОЛОШИН. Смотрю в
твои глаза. Иди, солдат!
Рассказы.
- 43 В. ЗУБАРЕВ, Дм. ГЛА-
ЗОВ. Первые стихи.
- 44—45 В. КАЗАНЦЕВ, С. ЗА-
ПЛАВНЫЙ, В. СЕРДЮК,
С. ФЕДОТОВ. Стихи.
- 46—48 В. БОКИН, В. ПАВЛОВ,
О. ЗАВЬЯЛОВА. Стихи.
- 49—57 Г. ЛЕБЕДЕВА. В стране
Лунного года.
- 57—60 МИР СИДДИК ФАР-
ХАНГ. Поминки. Новелла.
- 61—63 В. РЕХЛОВ. Человек с зи-
мовки.
- 64—67 В. КУЗНЕЦОВ. Все про
Рогова.
- 68 О. ПАВЛОВСКИЙ. Позна-
комьтесь — автор первой
книги.
- 69—72 Л. ГЛЕБОВА. Читателю
на книжную полку.

ВЕН. БЕЗРУКОВ

ДЕРЕВО ЛЕНИНА

В январский день 1924 года скорбная весть о смерти Ильича достигла Кубы. И в этот час, когда в Советском Союзе провожали Владимира Ильича в последний путь, здесь, в Регле, предместье Гаваны, прекратились все работы, закрылись магазины, остановился транспорт. Сотни людей собрались на самом высоком холме предместья, чтобы посадить в память о Ленине оливковое дерево мира.

(Материалы прессы)

Январский час.
Дышали скорбью трубы,
знаменный отблеск падал на лицо.
На солнечном холме предместья Кубы
рабочие сажали деревцо.
И тоненькая веточка оливы
ручонкой детской к небу поднялась.
О, люди Кубы! Чем еще могли вы
воздать ему в последний скорбный час!
Литые от работы кулаки
впервые
поднимались непокорно,
и падали жандармские клинки, —
но дерево уже пустило корни!
Не дерево —
цветет могучий лес.
В просветах — неба яркие заплаты,
в глазах сухой и напряженный блеск,
бородачи сжимают автоматы.
История,
ты шла от мачете
особняков развалинами грудясь,
прямой дорогой к ленинской мечте
колоннами обветренных барбудос,
чтоб там, где остров посреди волны,
иные песни пел народ счастливый.

...Шагает Куба.
И ее сыны
равняются на дерево оливы.

Новокузнецк

В ЛЕСАХ ВАНАВАРЫ

Каждый год 30 июня люди, посвятившие себя изучению интереснейшей загадки в истории Земли, отмечают своеобразный юбилей. В этот день никто не произносит торжественных речей, не летят в потолок пробки от шампанского. День этот знаменателен тем, что именно он стал свидетелем падения Тунгусского метеорита в 1908 году.

Виновника торжества нет. Он оставил людям лишь свою «визитную карточку» в виде веера из поваленного на большой территории леса. Виновника торжества искали, ищут и будут искать, пока не раскроется тайна и ученые не ответят на вопрос: что это такое?

Первую тропу к тунгусскому «диву» проложил Леонид Алексеевич Кулик — человек, в котором страсть испытателя удачно сочеталась с талантом ученого. В своих полных драматизма экспедициях он сделал попытку найти какие-нибудь остатки взорвавшегося метеорита. Но не успел. Однажды ясным, ласковым утром вся страна вздрогнула от короткого слова «война». Кулик ушел с народным ополчением защищать свою Родину, свою мечту. И не вернулся...

Есть в общежитии Томского университета одна тесная, заставленная столами комната — штаб комплексной самостоятельной экспедиции. Сокращенно — КСЭ. Стены

комнаты завешены схемами, картами. На столах и под столами — спилы деревьев из района тунгусской катастрофы, микроскопы, схемы, зарисовки профилей, разрезов.

Каждую пятницу по вечерам собираются члены КСЭ. Здесь все подчинено духу научного поиска, эксперимента. В разговоре предпочтение отдается Тунгусскому метеориту. А началось с того, что в 1959 году мы — небольшая группа парней — решили разобраться сами в загадочной судьбе исчезнувшего Тунгусского метеорита.

Экспедиция на общественных началах была короткая и тяжелая. Мы, правда, сумели вывезти из тайги много новых фактов, интересных и неожиданных, которые в общем-то и решили судьбу КСЭ. Все пошло на пользу, даже голодовка.

Плеханов — начальник нашей экспедиции — по возвращении надолго исчез из Томска. Он побывал в Москве, Ленинграде, Новосибирске... Везде договаривался, советовался, выступал. То, что мы задували, требовало мобилизации больших сил. Здесь уже было не до шуток.

Не хватало людей, денег. Последнее было особенно болезненным вопросом. Решившись на отчаянный шаг, Плеханов вылетел в Комитет по метеоритам АН СССР.

В КСЭ наступило временное затишье. Слово остановился человек перед грудой поклажи и задумался: как увезти все это, если через пять минут отходит поезд, а билет еще не куплен?

Программа работ экспедиции, которую Плеханов увез в Москву, получила единодушное одобрение ученых. Более того, Президиум Академии наук СССР предложил Сибирскому отделению оказать всяческую поддержку КСЭ. Мы верили и не верили. Но когда нас вызвали в Новосибирск и Плеханов там сделал сообщение, исчезли все сомнения. Вдруг мы стали официально числиться лаборантами, научными сотрудниками тунгусского метеоритного отряда Сибирского отделения Академии наук СССР.

На разделанной поляне раскинулся большой поселок Ванавара. Мимо него проносится мощным потоком Подкаменная Тунгуска. Ее широкая лента, проутюженная ветрами, морщинится среди изломанной горной жилы.

Когда-то лежала Ванавара в стороне от проторенных дорог, безвестная, маленькая, окруженная тьмой лесов и болот, словно спряталась от всего мира, и никому не было до нее дела, как и до сотен таких же таежных поселков, разбросанных по всему Северу. И вдруг о ней заговорили: в 60 километрах от нее упал Тунгусский метеорит. Экзотичное имя фактории стало часто упоминаться в научных журналах. Тысячи людей неожиданно узнали, что есть на свете реки Тэтэрэ, Ванаварка, Чамба, что есть поселки Байкит, Стрелка, Муторай...

Третий день мы торочим в Ванаваре, поджидая отставших ребят. Руководство геологической экспедиции предоставило в наше распоряжение просторную, светлую комнату, которую мы уже успели основательно обжить. Стены увешены ружьями, походным снаряжением, сумками. Под потолком клубы табачного дыма, на полу — рюкзаки, ящики с приборами, мешки, палатки, веревки. Чуть ли не четверть комнаты заняли продукты. Мы не то в пятый, не то в двадцать пятый раз обсуждаем все, что только можно обсуждать. Мы еще раз уточняем маршруты радиальных «троек» и задачи джолиндуконской группы, вылетающей через два дня на поиски восточного выхода леса, описанного В. Шишковым в 1911 году.

Наконец-то прилетают остальные группы.

Встречаем отставших ребят у здания аэропорта. Небольшое поле аэродрома расположилось на спине плоской сопки. Лес подступает со всех сторон, и только там, где река Ванаварка подрезает сопку, деревья прячутся за косогором. По краям летного поля из земли торчат пни. Новенький бульдозер урча возится с ними: поле расширяется для приема больших самолетов.

Трясем руки прилетевших парней и девчат, смеясь, обмениваемся впечатлениями и новостями и отправляемся в поселок. Теперь мы все вместе.

Последние приготовления к выходу в тайгу. Сначала отправится группа из четырех человек. Вести ее поручили мне: я по прошлому году знаю куликовскую дорогу. Мы должны подготовить все для приема грузов и людей. Тогда выйдут остальные.

Провожаящие окружили нас, помогают надеть рюкзаки. Плеханов стоит рядом и, засунув руки в карманы штормовки, ог-

лядывает нас. На голове командора, как блин, лежит маленькая замызганная тюбетейка, штурманский костюм висит мешком, на ногах сапоги, посеревшие от дорожной пыли. Ни за что не подумаешь, что он начальник большого метеоритного отряда Сибирского отделения Академии наук СССР. И только грубое мужественное лицо, очень похожее на облик куперовских индейцев, говорит о недюжинном характере человека.

— Готовы? Ну, чтобы тропа не встала дыбом. До встречи на избах!

Идем по Ванаваре. Лайки, увидев у нас ружья и рюкзаки, забеспокоились. С лаем и повизгиванием они бегают вокруг, словно просят, чтобы мы взяли их в тайгу. Мы уходим на север, туда, где за влажными лесами стоят избы Кулика. Нас четверо: Тульский — научный сотрудник СОАН, Бердышев — ассистент кафедры биологии ТГУ, Вербицкий — студент ТГУ и я — студент СМИ.

Тропа, пунктиром проходящая через район, который лежит между Ванаварой и избами Кулика, на карте занимает около десяти сантиметров. Короткая немая черточка. Сантиметр на карте — десять километров по тайге.

Время близится к вечеру. Мы почти выбились из сил. Все злые и голодные. Вербицкий совсем скис. Его доканали портянки. Бердышев, который официально числится в экспедиции врачом, прикладывает все свое умение, чтобы облегчить страдания незадачливого путешественника. На очередном привале я стаскиваю с Вербицкого сапоги, обуваю в кеды, забираю его рюкзак и, умышленно идя на ссору, объявляю его маменькиным сынком. Вербицкий судорожно глотает и хрипло говорит:

— Ладно, парни, давайте считать, что я притворялся...

...Палатку поставили на берегу ручья. Быстро разогреваем тушенку, варим чай. Наспех глотаем горячую пищу. Кончали ужин без Вербицкого: он уснул, прижимая к себе большую деревянную ложку.

Ночью прошел сильный дождь. Тропа раскисла. Сопки поднимаются все выше и выше. Хребет Петрик, по которому мы сейчас идем, в этом месте достигает своей наивысшей отметки. Дальше гари и буреломы. К обеду вышли на берег Чамбы и остановились, завороченные ее тревожной красотой.

Стройные пушистые лиственницы стоят живым частоколом, повторяя все изгибы реки. Большие яркие лилии выделяются в траве прозрачной белизной. Везде, как далеко ни окидываю взором берега, чувствуется чистота линий, безупречность форм; даже одинокие мертвые деревья, наклонившиеся набок, не нарушают своеобразной собранности пейзажа.

Пока мы восторгались Чамбой, Бердышев успел зашить штанину, клочок которой он оставил в петриковских буреломах. Резкая перемена погоды расстроила наши планы. Намечали сегодня дойти до речки Макикты, поближе к Шехорме, но теперь, когда вот-вот пойдет дождь, делать это было рискованно: увязнем в болоте.

Переходим вброд Чамбу немного выше Косой шиверы и быстро ставим палатку на «Сосновой горке» под огромной лохматой сосной. Ветер продолжает трудиться над тучей. Он ее раскатывает как хозяйка ковер, и к вечеру над речной долиной зависло безнадежно мрачное небо. — Юра, — доносится голос Тульского из-за плотных клубов дыма. — А где здесь захоронение находится?

— Рядом. Пошли, ребята. Это стоит посмотреть.

Узенькая, чуть заметная тропка приводит нас к маленькой площадке, густо заросшей молодыми лиственницами. На двух столбах лежит ящик — могильный лабаз. Так хоронят эвенки своих близких. Крышка ящика отодвинута в сторону, так что если забраться на дерево, можно увидеть останки, завернутые в бересту. Местами береста прогнила, и через нее видна зеленая материя, закрывающая кости. Широкий кожаный ремень опоясывает мумию. По дну ящика рассыпан цветной бисер, на котором лежит крышка от чайника и разбитая фарфоровая чашка.

В 1959 году с разрешения властей края, Плеханов вскрыл это захоронение. Нас очень интересовал вопрос о влиянии тунгусского взрыва на организм человека. Если это захоронение было поставлено до 1908 года и если взрыв метеорита был ядерным, то в костях умершего эвенка должны остаться радиоактивные изотопы, в частности, изотоп стронция-90, который при распаде замечает в костях кальций.

Плеханов выпилил кусочки костей из черепа, позвоночника и чашечки бедренной кости. Именно эти части скелета больше

аккумулируют радиоактивные изотопы.

— И что... приборы? — спрашивает Тульский. Он забрался на дерево и сверху фотографировал могилу.

— Молчат. Судебная экспертиза доказала, что эвенк умер естественной смертью в тридцатых годах.

...На перевале через хребет Вернадского мы увидели первые изглоданные мхами лежащие стволы. Вот он — след, оставшийся на земле после взрыва 1908 года. Еще дальше, за Макиткой, деревья уже лежали ствольными завалами, и тут трудно было отличить, какие из них бросила на землю ударная волна, какие свалили время и ветровальи.

Мы еще на Чамбе решили дойти сегодня до ручья Баранчук, где стоят нежилые чумы эвенков, чтобы завтра точно в контрольный срок добраться до изб. Менять решения я не собирался. Ребята и сами понимали необходимость такого жестокого режима движения, но силы были на исходе, и никто этого уже не скрывал.

Баранчук мы прошли, приняв его за очередную лужу. И только когда уткнулись в сопки хребта Хладного, я понял, что мы заблудились. Каким уничтожающим взглядом одарил меня Вербицкий, едва я сказал об этом. Обратно шли как лунатики, и темнота все дальше отдаляла нас друг от друга.

...Перевалив небольшую гряду сопков, выходим в долину ручья Чургим. Эвенки называют его «Огненным ручьем», появившимся якобы в тот момент, когда на землю сошел огненный бог Огды.

Скоро водопад. В грохоте ручья уже слышны новые звуки. Будто огромные жернова, медленно вращаясь, перемалывают многопудовые камни. Чем ближе мы подходим, тем быстрее они вращаются. И вот уже только грохот висит в воздухе. Водопад открывается перед нами весь. Широкий пояс зернистого серебра рассыпается по темным скалам и с шумом падает вниз.

Поднимаемся с камня на камень. Мимо, беззаботно резвясь, с шумом проносятся Чургим. Прыгает по десятиметровой наклонной стене трапов и бухается в каменную гуцу. Забравшись наверх, блаженно усаживаемся.

— Очень может быть, что эта яма образовалась от взрыва обломка метеорита, — говорит Бердышев, впервые за весь переход снимая накомарник.

— А при чем он?.. Тем более обычный. Этим пусть занимаются другие, — резко

повернулся к нему Вербицкий. — Мы должны исследовать природу ядерного взрыва. Если бросаться из одной крайности в другую — значит бегать за двумя зайцами.

Вербицкий доволен своими умозаключениями. Об этом говорит его вид, независимый, гордый.

— Старо! — как можно спокойнее возражаю ему. — Разрозненные коллективы объединены и решают одну задачу: дать общую оценку явлению. Собрать как можно больше фактов, относящихся к тунгусской катастрофе, и тогда уже говорить, что это было.

— Но нужна единая рабочая гипотеза.

— У нас — гипотеза ядерного взрыва.

— Тогда я тебя совсем не понимаю.

— Наша экспедиция комплексная: КСЭ. Вопрос, который она решает, является совокупностью многих неизвестных. Сплошные вопросительные знаки обозначают конечную цель. Необходимо комплексно решать комплекс вопросов. Весь дальнейший путь мы говорили о гипотезах.

К избам подходим уже в сумерках. С волнением распахиваю дверь одной из них — в лицо ударяет сырость и затхлым воздухом. Мы в Центре!

Центральная часть района тунгусской катастрофы представляет собой площадь в несколько километров в поперечнике, расположенную на водораздельном плоскогорье, отделяющем бассейны рек Чуни и Подкаменной Тунгуски.

Чудовищный взрыв космического тела, как бритвой, сбрил щетину лесов. Но уже поднялась молодая поросль. Нам кажется, что сопки специально сюда собрались, стали в круг, поглядывая из-под лохматых бровей на этот легендарный район Земли. Кулик дал сопкам имена выдающихся людей, чьи труды вырвали из мрака невежества и традиций прошлого учение о небесных камнях — метеоритах, имена одесского профессора минералогии Пренделя, американского ученого Фаррингтона, химиков Мухина и Гебеля, академика Палласа...

Среди сопки лежит Южное болото, которое дарило людям надежды, радости и разочарования. Об этом типичном для Севера низинном болоте продолжают спорить и сейчас. Оно соблазняет исследователей своим расположением в эпицентре взрыва. В стратификации пластов этой зыбкой моховой сплавины, возможно, хранится информация о катастрофе.

В самом центре котловины, где небольшое ожерелье сопки полуостровом внедряется в Южное болото, расположились избы Кулика. Их три. Одна больше другой. Рядом — добротный лабаз.

В избах мрачно и холодно. В мастерской Кулика, куда мы зашли, аккуратно лежит законсервированное оборудование. Буровые замки, штанги, водоотливные помпы, гофрированные шланги, груда шанцевого инструмента. — все наготове, просится в работу.

Тихо стоим в лаборатории, где Кулик проводил свободное от работы время. На этой шаткой скамеечке он сидел за столом, на котором были выдавлены синим карандашом координаты места падения метеорита. Долгими зимними вечерами вместе со своими товарищами он коротал тут часы, думал, мечтал, занимался, почти не вспоминая о шумных городах. На стенах — полки, заставленные пузырьками, реактивами. Между застекленными рамами чьи-то заботливыми руками уложен пушистым валиком ягель. Окна выходят в сторону склона сопки Стойкович, смотрят на густые заросли деревьев, и от этого в избе сумрачно даже в такой солнечный день, как сегодняшний. Избы строились тридцать лет назад, когда сопка была «лысой» и снег, покрывавший все неровности, превращался в мощный отражатель света, который освещал избу. В сенцах — штатив для буссоли, безмен, ящики, геодезические рейки, большие связки веревок. Все говорит о том, что это оставлено на короткое время, что сюда собирались вернуться снова, чтобы продолжать работу.

Площадку для приема вертолета мы с Тульским выбрали на широкой речной косе. Хухма будто знала, что нам позарез будет нужен сухой и твердый клочок земли и заранее посторонилась, прижавшись к самому берегу. Тульский потопал сапожниками по галькам — не провалится вертолет? На косу бросили березовый треугольник: «аэродром» готов. После этого приступили к генеральной уборке пристани.

Вертолет из Ванавары прилетел утром. Снизившись над косой, летчик долго не решался посадить машину.словно обжигаясь о горячие гальки, вертолет подпрыгивал, кружил на одном месте. Наконец сел. Из кабины вывалился Плеханов...

Бурное, но короткое приветствие. Нельзя задерживать летчика... Быстро разгружаем ящики с аппаратурой. Передаем летчику пухлую пачку писем, прощаемся. На пути к избам находятся две большие группы москвичей, томичей, новосибирцев. Целая «армия» спешит к нам на помощь. Где-то застрял вертолет МИ-4, который будет обслуживать нашу экспедицию. Летчики перегоняют его из Москвы. С Урала откомандировали в наше распоряжение двух опытных радистов. В Ванавару направлены специалисты из института физики Земли, которые везут с собой установку «Тобол» и лучшие образцы радиометров.

Сонно-розовая даль утра дрогнула, и из-за неровных вершин гор в Великую котловину первым солнечным лучом проник июльский день. Запылали болота ослепительным огнем берез, от подножьев до вершин гор взметнулось зеленое пламя тайги. Мы с Вербицким идем на западный берег Северного болота, чтобы найти и описать деревья, пережившие катастрофу. Тульский и Бердышев за тем же ушли на Фаррингтон.

У самого края мочажины, среди толпящейся поросли молодых березок, мы нашли старую лиственницу. На корявом стволе ее, от самой земли почти до середины, зияет вертикальная щель. Крона сбита в одну сторону. Потрепанный, жалкий вид... Тщательно описываем дерево. Измеряем. Беру азимут щели... Найден еще один «живой свидетель», чудом уцелевший в адском котле...

Через несколько метров опять встречаем старое дерево... Довольные идем через болото, прямо на белый дымок костра, к избам.

В лагере от Плеханова узнаем, что Тульский с Бердышевым на склоне горы Фаррингтон нашли целую рощу столетних лиственниц... Здорово!

Возвращаются из разведки другие ребята и говорят: «Нашли!» Вечером приказ по экспедиции: «На Фаррингтоне группы озоления приступить к работе!»

До приезда Бориса Ивановича Вронского, в отряде которого я буду работать, меня временно зачисляют к озолителям.

Солнце вышло на последнюю финишную кривую, когда в самом зеленом сердце Великой котловины завизжали поперечные пилы, застучали топоры, и белый дымок, поднявшись над лесом, растаял

в раскаленном небе. Этот дымок возвестил миру о рождении веселой и трудолюбивой «Республики Фаррингтон».

Мы работаем. Мы валим 200-летние лиственницы, распиливаем их на чурки, которые в свою очередь разделяем на 4 фракции по годовым кольцам, сжигаем каждую фракцию отдельно на железных кровельных листах. До обалдения глотаем дым, поджидая, когда очередная фракция, изрубленная в щепки, не превратится в золу.

Процесс озоления заканчивается тем, что перепачканные сажей углегоги торжественно относят еще один мешочек с золой на склад готовой продукции, где ставят на нем очередной номер. Это пробы для радиохимических анализов. Зола должна дать ответ: имеются ли в ней элементы, фоновое содержание которых невелико, а содержание в веществе метеорита значительно. Вот и должна работа озолителей, а вместе с ними болотоведов и десятка радиальных троек, а потом и специалистов помочь решить вопрос о геохимической аномалии в эпицентре взрыва.

Мы должны дать 5 килограммов золы. Высококачественной золы!

Пилить неудобно, и поэтому часто остаемся на месте. Все время что-то мешает под коленкой. Пытаюсь убрать. Пила идет рывками. Ложусь и действую одной рукой. Плохо. Мешает камень. Тульский тоже проделывает серию акробатических этюдов. Лиственница держится. Мы тоже. Алик упирается ногой в ствол. «Ты не тяни, когда я тяну!» Пила визжит. Наконец, дерево дрогнуло. Мы бросаем пилу и наваливаемся на ствол всей своей тяжестью. Лиственница медленно, со скрипом, похожим на стон, рушится на землю.

Присаживаюсь на пень. Он еще теплый. «Ужик... ужик...» — торопится пила. Ребята, сменившие нас, распиливают дерево на чурки. Отваливается одна «коврига». Ее подхватывают большие цепкие руки Тульского. Он укладывает спил на колени, наносит на нем север-юг и азимут на эпицентр взрыва. Это контрольный спил.

Бердышев, не замечая ничего вокруг, склонился с лупой над другим спилом, шепчет:

— 90... 140... 180... 194. Ух ты! Вот это старушка! — Он отсчитывает нужное количество коричневых полосок первой фракции, отделяет и откладывает их в сторону. Отсчитывает вторую фракцию.

Пробую это сделать и я. Очень утомительно считать эти самые кольца. После десятой «коврижки» устали глаза. Пот, смешанный с репудином, щиплет лицо. Душно. Во рту пересохло. Накомарник с трудом сдерживает натиск слепней. Как хочется умыться холодной водой!.. Последние чурки сложили на листы. Позади хороший трудовой день. Но когда собрали всю золу и взвесили, то оказалось, что мы выработали всего около 200 граммов. И это все, что осталось после трех 20-метровых великанов?! Сколько же нужно свалить, распилить и озолить лиственниц, чтобы выполнить намеченную программу?

...Впереди идет Вронский. Свободно, легко обходит деревья, перешагивает через кусты, карликовые березки, торфяные бугры. В его походе чувствуется профессиональное, завершенное мастерство таежника, геолога. Сколько троп искал этот человек за свою жизнь!

Первая встреча с Вронским произошла у меня в 1959 году на перевалочной базе на Хушме. Борис Иванович скептически относится к сторонникам ядерного взрыва, он считает, что упал каменный метеорит. Однако это нисколько не снижает наших обоюдных симпатий: каждый из нас хорошо понимает, что в исследованиях бессильны административные меры, и запретить свободный полет мысли было бы противоестественным.

Борис Иванович уже давно носит в кармане пенсионную книжку. Мог бы спокойно сидеть дома. И все же он здесь, в тайге, на своем «рабочем месте». Вронский — геолог. Охотник за россыпными месторождениями. Более тридцати лет провел на Колыме. Одним из первых советских геологов осваивал ее. Государство наградило его орденами и медалями, а Колыма — радикулитом, ревматизмом и тоской по нехоженым землям. Зубы и волосы, все до единого, Колыма взяла взамен. Но она не смогла отнять у этого лысого беззубого гиганта любовь к земле, жажду покорения пространства, романтику души.

Внешность Вронского оригинальна. Большая голова заострена клином, лицо оживлено веселым прищуром серых глаз, спрятанных за простенькими очками. Но когда он сердит, его лицо приобретает хищное выражение.

В движениях Вронского ничего лишнего: рюкзак не подпрыгивает при ходьбе, а находится все время на одной высоте, голую он несет осторожно, словно это не голова, а сосуд из тончайшего стекла. Помоем, даже комары прониклись уважением к бритой голове Вронского и, перестроив боевые порядки, перешли в психическую атаку на меня. Словно эти твари для того и существовали на свете, чтобы дожидаться нашего прихода.

Сбоку, среди деревьев, выглянула Хушма и, убедившись, что мы рядом, снова исчезла за деревьями. Река как верная собака. Вот так и будем мы вместе идти почти до безымянных озер — цели нашего похода.

Мы ищем «шарики». Те самые, которые были найдены в процессе обработки почвенных проб, взятых в районе падения метеорита. Магнетитовые шарики размером от 30 до 50 микрон. Необходимо установить их физическую сущность и возможное происхождение. Не исключено, что часть загадочных шариков является, по-видимому, пылевидными выбросами промышленных предприятий, а часть — космической пылью, падающей на нашу планету.

Вышли на куликовскую тропу. Пересекли Хушму, которая убегает к пристани. Сразу за пристанью берем пробу. Вронскому приглянулся высокий бережок. Забравшись под потолок террасы, Борис Иванович набирает полный лоток земли и спускается к Хушме для промывки. Вообще-то бортовое опробование применяют при поисковой разведке рудных тел, дающих механические ореолы, а пробы на шарики берутся на горизонтальных участках рельефа. Очевидно, Вронский преследует какую-то свою цель... Но он молчит, и я не спрашиваю.

Закончив все процедуры по отбору шлиха, мы двинулись дальше. Хушма со своими красивыми берегами, небольшими плесами, укрытыми пенистой ватой, искрящейся водой на шиверах, надвигалась на нас, окружала со всех сторон. Она заигрывала, завлекала нас все дальше, соблазнительно приоткрывая свои кружевные лесные наряды.

Борис Иванович остановился, выдернул платок из клапана штормовки и принялся вытирать лысину. «Жарко!» Мне тоже.

На пути вырастают гряды камней. Перевалив одну из них, мы останавливаемся — впереди стоит мертвый лес, увешан-

ный черными тряпками лишайников. Деревья хилые, с шелушащейся корой, замерли будто в ожидании какого-то чуда, способного исцелить их, вернуть им жизнь.

С трудом добравшись до склона горки, мы присели «на перекур». Борис Иванович жалуется на сердце — как никак, 63 года. Я забираю у него почти весь груз. Лес стал противен мне до чертиков. Солнце не радует, а озлобляет яркостью и сухостью.

Наконец открылось озеро. Подход великолепный. Гладкий ковер торфяников постепенно поднимается к небу. Шелковистая степь с белыми, коричневыми, алыми, зелеными, голубыми заплатами лежит перед нами огромным осколком радуги.

Привал. Борис Иванович вытаскивает из рюкзака маленькую резиновую лодку-желонку для отбора донных проб. Приступаем к работе.

Тунгусское тело при взрыве превратилось в пыль, в газ, в пар. Вещество медленно оседало на поверхность земли — на тайгу, сопки, болота, реки и озера. Особенно интересны для нас бессточные озера, такие, как это. Пыль, осевшая на его дно, покрылась новыми осадками и как бы законсервировалась. Аналогичное явление происходит на ледниках.

Моем слихи. Бумажные капсулы, хранящие результаты нашего труда.

Металлические шарики! Вес их 0,000001 грамма. Размеры — 80—100 микрон. Шарики невозможно увидеть невооруженным глазом, однако мы знаем, что они лежат в наших капсулах и говорим о них, как о чем-то большом, осязаемом веществе макромира.

Прижимаясь к горячему боку костра, Вронский низко склонился к блокноту. Иногда он поднимает голову и смотрит не мигая на огонь, а потом снова кланяется костру и что-то записывает. Карандашик, привязанный капроновым шнурком к блокноту, бегает по белому полю, как собачонка на привязи.

Преданность Вронского дневнику фанатична. Днем он ни на минуту не расстается с ним. Короткие перекуры, дежурство у костра, все свободное время он проводит с этой пухленькой коричневой книжечкой. Замечаю за собой, что и я начал больше уделять внимания записям, учусь у Вронского усидчивости, его методу работы. Это становится привычкой...

Утром, укрыв полиэтиленом вещи и палатку, мы ушли на зимку.

Как она преобразилась! Тремя шеренгами стоят натянутые палатки. Рядом с ними лежат рюкзаки, ружья, веревки. На берегах сушатся «тряпки»... Между избами по-домашнему чисто. Нас окружили. «Хушмиды пришли!». Вронского куда-то утащили москвичи, а я остался среди своих друзей, загорелых, искусанных гнусом, похудевших, но по-прежнему чертовски веселых. Многие отрастили усы, бороды — вместо накомарников.

Я снова в курсе всех событий. Сейчас в экспедиции 72 человека. И все работают добровольно, в свой отпуск. Всех очень волнует судьба затерявшегося метеорита. Их объединяет одна пшениная каша из одного котла, одна и та же погода, одна тайна, одна цель, достичь которую возможно лишь при массовом порыве бескорыстно преданных науке и любящих свое дело людей.

Из Ванавары прилетел вертолет. Летчики совсем не изменились: ни бород, ни грязных ковбоек — ничего, что могло бы их выдать как таежных зубров, которым стал каждый из нас. Все они были гладко выбриты, от каждого попахивало шипром. Для нас привезли гору ящиков, мешков, бочек.

Время не ждет. Не успели поздороваться, как снова: «До встречи!».

Всю ночь шел дождь. К утру он перестал, но тучи по-прежнему висели над котловиной, словно высматривая: не осталось ли где-нибудь на земле сухого места.

Сегодня отплываем. Впереди трудный и далекий путь. Нам предстоит спуститься по Хушме, доплыть до Чамбы и от устья ее, где мы залабазим большую часть груза, подняться вверх на 60 километров по Чамбе, выйти в верховья реки Ванаварки и провести шлиховые работы. Затем мы сплавимся обратно и по Чамбе выйдем на Подкаменную Тунгуску.

Наваливаемся на лодку, и она медленно сползает в воду. Поплыли. Вронский на веслах, я на корме с шестом. Между нами целая гора вещей, укрытая пленкой и обвязанная веревкой. Сверху лежит лоток. Рядом ружья, спиннинг. Сбоку — пила. На случай завалов. Одеты мы в зелено-серые куртки, штаны, на ногах резиновые сапоги. Вид со стороны — великолепный.

Пока я еще не освоился с обстановкой. Все внимание уделено шесту. Ничего не вижу вокруг — только берег, нос лодки и воду. Лодка прочно садится на камни. Вырубили вагу. «Раз-два, взяли!» Вронский ухватился за нос лодки и на каждый счет резко рвет на себя. Пять минут такой работы — и у меня круги идут перед глазами.

Сильный ветер выдувает из одежды тепло. Он особенно чувствителен, когда она мокрая. Зубы отбивают морзянку, и все тело сжимается в комок, боясь прикоснуться к мокрой и холодной одежде.

На короткой остановке перекладываем вещи. Сейчас они расположились более компактно. В лодке стало просторней. Над нами пролетает вертолет. Нас, конечно, летчики не заметили. Ведь мы с вертолета должны казаться пнями...

Мы живем будто на другом краю Земли. У нас другая жизнь, другие привычки со своими условностями, странностями. Ежеминутные заботы все дальше и дальше отодвигают воспоминания о заимке, о ребятах. И только пролетающий вертолет или самолет мгновенно восстанавливает в памяти весь сонм чувств, навеянных встречами на заимке.

Иногда мы пристаем к берегу, чтобы взять шлих. Пока Вронский «моет», я провожу несложный комплекс радиометрических наблюдений.

Мы мало говорим о Тунгусском метеорите и, честно признаться, не это нас сейчас объединяет. Все сложные вопросы, которые сейчас ставит тунгусская проблема, все рассуждения и мечты, рождающиеся больше от интуитивного чутья, нежели от математических расчетов, отошли на второй план. Нас связывают сейчас несложные, но хлопотливые обязанности, понятные друг другу привычки, товарищеская забота.

Четвертый день скребемся по Хушме. Проплыли устье Укагита. У обнажения, лежащего под самым боком небольшой речушки, мы отобрали шлиховую пробу и несколько образцов пальцепонов и полупалов. От Укагита Хушма заворачивает постепенно на юг и так течет до самой Чамбы. Шиверы стали плохонькие, и целый день мы плывем, делая остановки только для взятия очередной пробы. На Укикитконе Борис Иванович решил задержаться. Он считает, что вопросительный знак, стоящий на карте в меж-

дуречье Укагита и Укикиткона, необходимо стереть в этом году, сейчас же. Вопросительный знак обозначает отсутствие необходимого и достаточного материала для общего суждения о распределении «шариков» в районе тунгусской катастрофы.

Вронский выбрал место для отбора шлиховых проб на полянке среди высоких лиственниц. Фотографирует полянку со всех сторон. Для него это место дорого. Именно здесь он в 1958 и 1959 годах обнаружил клад шариков. На Укикитконе в прошлом году он «выкопал» сразу 300 магнетитовых шариков. В других местах только два или три шарика, обозначающие фоновое значение.

Лоток вмещает 15 килограммов, 12 лотков — 180 килограммов. Это нужно промыть.

Хушма не терпит грязи. Проворными движениями она выметает муть из крошечной бухточки. Вронский мутит воду, а когда в лотке остается только черно-серый мазок шлиха, он отдает его мне и снова поднимается на террасу, быстро набирает полный лоток почвы и продолжает сбрасывать отходы промывки в кристальную воду. Работает как обогатительная фабрика. Без усталости, без задержек.

День чудесный. Дымка голубит дали. Высокие берега Чамбы покрыты сочной, густой травой. Лес стоит плотный, сильный. Нет, Чамба красивее Хушмы! Русло прямое, широкое, как просека.

Продолжаем мыть пробы. Технологию сушки шлихов освоил на «отлично». Могу поделиться опытом. Борис Иванович все чаще поглядывает на третий по счету планшет, проходить который мы начнем завтра.

...Через три дня мы прошли «свороток» куликовской тропы, где в «книге отзывов», на старой сосне, оставили свои автографы и осмотрели могильный лабаз (арангаз). Воздушная могила неизвестного шамана пришла в негодность. Сквозь щели просматривался череп. А еще через три дня, поздно вечером, мы подплыли к Ванаварскому берегу.

В Ванавару собирались участники экспедиции. Кончился август. Всех звала городская работа и... дом. Грязные, оборванные, полубосые ребята выходили из тайги неожиданно, в любое время дня и ночи, не давая покоя ванаварским соба-

кам. Особенно шумно стало в столовой и на почте.

Каждый день самолеты поднимаются с ванаварского аэропорта и берут курс на Кежму. Самолет увозит моих друзей домой. А Вронский договорился с «вертолечниками», чтобы они забросили нас в верховья Ванаварки.

Вертолет улетел, а мы все еще сидели на высохшем болотце. Вронский ориентирует карту на местности, а я перематываю портянки. Портянки большие и чистые. Впрочем, это единственная чистая и новая вещь из всего моего скарба. Остальное давно просит стирки и капитального ремонта. Рукава штормовки собрались в гармошку, воротник скатался, да и вся она в складках. Штаны настолько латанные-перелатанные, что я, постоянно ремонтируя их, незаметно сшил себе вторые штаны на рваной основе первых. День проходит за днем. Проба за пробой. Работаем.

Осень давно вступила в свои права. Ночи стали холодными. Спальные мешки мы оставили в Ванаваре — лишняя тяжесть, и сейчас спасаемся от холода только тем, что надеваем на себя всю одежду. У меня одна рубашка, куртка, телогрейка, тонкое одеяло и пара штанов. Жить можно.

Стали чаще поглядывать на анероид. Записываем показания прибора утром, днем и вечером. И надо сказать, что соответственно колебаниям давления колеблется и наше настроение.

Одно время считалось, что именно на ручье Огнии, где мы сейчас находимся, расположено место падения Тунгусского метеорита. Так, инженер Гундобин в письме к Кулику еще в 1924 году сообщал, что звенки, кочевье которых находилось у Огнии, говорили ему: «С неба что-то прилетело, повалило лес, после чего произошел пожар, при котором у них погибло 20 оленей и рассыпалась гора».

Кулик составил схематическую карту окрестностей фактории Ванавара с расположением реки Огнии, но впоследствии большинство свидетелей полета метеорита указали на другой район. Так о реке Огнии (в действительности она оказалась ручьем) забыли. Никаких работ по тунгусской проблеме здесь не велось. Мы с Вронским пришли первые. Конечно, маловероятно, что сюда упала глыба ме-

теорита. Но раз были такие сообщения, их надо проверить, какими бы абсурдными они ни казались.

Вот мы и идем, осматривая местность. Вверх, вниз. Через лес, через болото. Тайга пошла могучая, не тронутая пожарами. Земля укрыта пышным ковром березки. Густые, но удивительно легкие висят над головой кроны, словно зеленые дирижабли, стоящие на якорях.

Идем через долину, через другую, перешагиваем через кусты, через деревья. В ногах разливается теплотой вялость. Идем очень медленно, внимательно смотрим под ноги. Ноги сейчас — все.

Поле аэродрома мы видели уже в легких осенних сумерках. Два самолета с зачехленными моторами, словно укрывшись от мошки, присели у здания аэропорта и поглядывают стеклами кабин на судорожно подергивающуюся «колбасу». На аэродроме ни души. Из-за леса, оттуда, где лежит Ванавара, доносятся звуки репродуктора.

Последний переход по жутким горельникам, лежащим по ручьям Конечи и Унтупкору, окончательно доканал нас. Ноги распухли, гудели от усталости. На каждой остановке я ложился на спину, чтобы как-нибудь унять боль. Но сейчас все это прошло, цель достигнута. Новое впечатление сняло усталость. Мои взаимоотношения с ванаварской тайгой кончились.

Через полчаса мы сидим среди ребят и возбужденно обмениваемся впечатлениями. Не думал, что в Ванаваре так много еще наших парней. Правда, большая часть уже улетела в Томск. Туда же отправились московские студенты — физтехи, баумановцы, ребята из Новосибирска, Красноярска, Омска.

Остались те, кто не успел опередить стремительно налетевший дождевой фронт. Теперь сиди, смотри с тоской на хмурые, осенние тучи, навалившиеся на тайгу. Но ребята не пали духом. «Лесники» бросили вызов природе: заложили две пробные площадки недалеко от поселка и каждый день с утра до вечера пересчитывают там деревья. Свой бивак разбили на берегу Ванаварки радиометристы. Закончив маршрутную съемку, отряд Лены Кириченко отбирал контрольные образцы торфа, растений, озолая их на железных листах.

Горят еще костры наших ребят, но по

всему уже чувствуется, что экспедиция закончилась.

Всю прошедшую неделю вертолет доставлял с заимки пробы. Их привозили в тех же мешках, бочках, ящиках, в которых два месяца назад сбрасывали с самолетов продукты. В них лежали сотни спиллов деревьев различных пород, аккуратно упакованные в полиэтиленовые мешки, сотни проб золы, трав, кустарников деревьев. Одни болотоведы собрали и вывезли в ящиках более двух тысяч проб торфа. А сколько килограммов земли лежит в мешках? Все это необходимо будет обработать, перевести на язык цифр и букв, чтобы затем сказать о новых находках, интересных фактах, чтобы подтвердить или опровергнуть то или иное утверждение.

Экспедиция в полевых условиях закончилась. Но она будет продолжена в лабораториях институтов. Кирки, лопаты, топоры будут заменены на бинокляры, спектрографы, химикаты, счетные линейки. И этот этап будет не менее трудный, а, пожалуй, еще более сложный и тяжелый, чем в тайге.

Десятки тетрадей, исписанных словами и цифрами, исполосованных дождями и раскрашенных каплями крови от раздавленных комаров, дневники, пахнущие дымом костров, хранят основной капитал экспедиции. Тут профили, цифры, разрезы, 4,5 тысячи азимутов поваленных деревьев, описания поврежденных деревьев, картосхемы, снова цифры; показания

очевидцев, наброски, методики, градусы и снова цифры...

Они уже много поведали нам до наступления камеральных работ. Они сказали, что Южное болото и мочажины северо-западного торфяника являются естественными образованиями и что существенного влияния катастрофа на их развитие не оказала.

Теперь мы точно знаем, что стопроцентного вывала леса в районе тунгусской катастрофы нет. В непосредственной близости от эпицентра сохранилось множество деревьев, возраст которых превышает 70 лет. Магнитометристы не обнаружили железные массы метеорита, так же как и не нашли немагнитные материалы.

Я видел эти тетради-дневники. Они будут храниться в сейфе экспедиции и выдаваться только для работы. Они содержат в себе очень много фактов. Кажется, что о Тунгусском метеорите мы теперь знаем достаточно. Но много ли?

Будет ли решен один из основных вопросов — о ядерном взрыве Тунгусского метеорита? Те спорадические промеры радиоактивности, которые проводились экспедицией 1958 года и которые до сих пор не опубликованы, не могут удовлетворить не только нас, но и кого бы то ни было. Впереди еще не один год трудных и интересных, порою утомительных, но неизменно волнующих поисков. И обязательно придет день, когда тайна перестанет быть тайной.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОРИИ

● Одним из самых плодовитых писателей мира считается Александр Дюма (отец). Им написано 270 авантюрно-исторических романов, рассказов и пьес. Маститый французский писатель не гнушался и плагиатом. В 1860 году, например, он выпустил под своим именем «Ледяной дом», написанный Лажечниковым еще в 1835 году. В 1861 г. Дюма издал роман из казачьей жизни, оказавшийся подстроч-

ным переводом на французский язык забытой в России повести «Мулла Нур» Бесгушева-Марлинского.

● Самым продуктивным драматургом называют испанского поэта Лопе де Вега. За свою 83-летнюю жизнь, кроме многочисленных романов и новелл, он написал 800 пьес, из которых 50 известны и ныне.

Зимним утром

* * *

Зима, как прежде, удивила
Тем, что морозы привела
И реки все остановила,
И все дороги замела.
Протаив дырочку дыханьем,
Стою, смотрю через стекло
И вижу веток колыханье
И наше старое село.
И холода зиме прощаю,
Ее, суровую, любя
За то, что снова ощущаю
Далеким мальчиком себя.
И городов-то я не видел,
Не видел гор, морей и скал.
И никого-то не обидел,
И никого не приласкал.
И знаю только наше поле
Да потемневшие стога,
Да эти, белые до боли,
Мир полонившие снега.
Спешу смотреть.
Пусть стынет завтрак.
Дивлюсь на светлый зимний
вид.
Спешу. А вдруг все это
завтра
Меня уже не удивит?

Как вихрь лечу с горы на дно
долины,
Лыжни неровность чувствует нога.
А на пути ухабы и трамплины,
Что намела февральская пурга.
Лечу, лечу восторженно и слепо.
Мальчишки ждут на круче снеговой,
Что вот руками я взмахну нелепо
И в пухлый снег зарюсь головой.
Но я легко скольжу по белым
дюнам —
И не такую кручу взять бы мог.
Еще душа горит задором юным,
И тело в жесткий собрано комок.
Вот и долина. Ветер еле веет.
Да снег на солнце блещет, как
слюда.
Наверное, теперь мальчишки верят,
Что я не упаду здесь никогда.
Не ухну так, что не увижу света,
Ломаю молодые деревца.
Да что мальчишки! Сам я верю
в это.
И буду твердо верить до конца,
Хоть я и знаю, что придет минута,
Придет минута в очередь свою.
Лыжней с горы свергающейся круто
Рванусь... и на ногах не устою.

* * *

В ночном бору такая тишина,
Что невозможно передать
словами.
Разлапистая, хмурая сосна
Во сне чуть слышно шевелит
ветвями.

Едва взойдется солнце над
сосной,
Над лугом нешироким и росистым,
Как станет тишина не тишиной,
А станет пеньем, щебетом и
свистом.

В ночном бору такая тишина,
Что каждый шаг, как гром, ее
тревожит.
Весь день от гама мучится она
И ничего поделать с ним не
может.

Ну, а пока при медленной луне —
Ни хруста, ни совиного разбоя.
И вы молчите. Дайте тишине
Хоть час-другой побыть самой
собой.

ВИКТОР БАЯНОВ

ВЛАДИМИР МАЗАЕВ

Р а с с к а з

Лодки живут так же долго, как, скажем, лошади или собаки. По крайней мере, это я могу сказать с уверенностью о лодке Антона Ивановича.

Каждую весну, когда я приезжаю сюда, я вижу ее на берегу, на высоких подпорках. Около ходит Антон Иванович. Я машу ему издали, забегая в дом, на ходу здороваюсь с Анной Ильиничной, бросаю куда-то котомку и, взволнованный, торопливо выхожу на берег.

Топольники, как всегда в эту пору, захвачены паводком. Старые почерневшие деревья стоят в воде с какой-то мудрой отрешенностью. Их тени на воде — как их продолжение, только в другой плоскости. Я жмурю глаза от чешуйчатого сверкания Кондомы, вдыхаю пахнущий мокрой горячей галькой воздух и бегу вниз, к лодке.

Антон Иванович получил мою телеграмму и уже все приготовил. Лодка просушена, на горбу днища разложены долота, скрученная в жгуты пакля, деревянные молотки, рядом на низеньком тагане дымится в ведерке вар.

Я отстегиваю от своей городской рубашки запонки, закатываю рукава, беру молоток. Узкие сухие доски весело гудят под нашими ударами. Мои удары сбивчивы и отрывисты, Антон Иванович постукивает играючи, пакля входит в па-

зы легко и чисто. Поцарапанное, взьерошенное днище пахнет тиной, таинствами речных глубин, романтикой путешествий.

Потом мы цедим в щели пузырящийся вар; я орудую старым утюгом так, что горло дерет от дыма. Дым скатывается под лодку, еще долго колыхнется там.

Покончив с днищем, мы устраиваем перекур. По днищу течет агатовый блеск, оно похоже на спину гигантской снулой рыбы. Кондома опашивает лицо холодом. У берега вода тиха и степенна, ближе к середине она стремительна — такое впечатление, что река пытается обогнать самое себя.

Противоположный берег высок, усыпан домиками деревни. Чернеют заплатки вспаханных огородов. По утрам за рекой многотрубно мычит скот, тарахтят моторы, тонкие вилюшки дыма перечерчивают накаливающуюся кромку горизонта: оттуда всходит солнце.

Антон Иванович неторопливо рассказывает зимние новости.

В Настином логу поселилась семья лосей, и странно — никуда не уходит. Перед весной к самому дому, от Глухой курьи, повадилась ходить выдра. Антон Иванович три ночи караулил ее, подхватил на сморк, но выдру все же подстрелил. В аккурат, где мы сейчас сидим, на рождество приземлялся

ГАРМОШКА НА ТОМ БЕРЕГУ

вертолет. Летчики купили ведро огурцов и ведро медовухи и улетели по своему маршруту. Охотник Кусургашев в нынешнем сезоне выполнил несколько планов отлова соболя. Как ухитрился? А вот как. Убил в тайге лося, тушу разделал и тут же бросил; свои следы замаскировал. На вторую же ночь подошли два соболя — он их не тронул. Сытые зверьки разбежались в разные концы, унося на лапках запах свежего мяса. По этим следам пришли уже пять соболей — он и их не тронул, дал уйти. А потом расставил вокруг лося капканы. Утром в них сидело сразу шесть зверьков. В каждую следующую ночь он вынимал из капканов по несколько соболей. Таким манером за какую-то неделю добыл больше тридцати шкур.

Новостей немного, все они примерно подобного плана, но я слушаю с интересом. Для меня и Настин лог, и охотник Кусургашев, и Глухая курья — не отвлеченные понятия. В Настином логоу я много раз охотился на зайцев; с сыном Кусургашева — Данилкой — дружил в детстве. А Глухая курья мне очень даже знакома: я чуть не утонул в ней, попытавшись, по способу воинов древнего Киева, дышать в воде через тростинку.

Антон Иванович лыс, но все теплое время года ходит без головного

убора. Поэтому уже сейчас, в мае, голова его матова от загара и похожа на кегельный шар. Он в старой брезентовой куртке и резиновых сапогах с круглыми велосипедными заплатками.

Дети Антона Ивановича и Анны Ильиничны — все сыновья — давно выросли и разлетелись; теперь дети и родители общаются, главным образом, посредством посылок. Старики посылают сыновьям варенье, мед, вязанные носки и рукавицы, а те им — отрезки, головные платки — для матери и патронташи, спиннинговые катушки, охотничьи ножи — для отца, хотя Антон Иванович давно оставил охоту, а спиннинг вообще не считает за снасть и никогда им не пользуется.

Однажды сыновья, как сговорившись, прислали (родители посетовали на небывало морозную зиму) три термометра. Сейчас все три висят рядком на бревенчатой стене и показывают разную температуру...

После перекура мы снова беремся за лодку. Мы стаскиваем ее с подпорок, переворачиваем. К днищу изнутри присохли прошлогодние рыбы чешуйки. Антон Иванович лезет в лодку, долго ощупывает

укорины — дугообразные крепления — что-то бормочет. Две из девяти нуждаются в ремонте.

Мы снова стучим молотками, и первобытный стук этот отдается в моей душе весенней музыкой. Солнце уже высоко, жжет плечи; ветер холодит под мышками; все слышнее тянет от реки сырой галькой.

На бревнышках скатываем лодку к воде. Она кряхтит, нос и корма покачиваются, того и гляди хрустнет днище — все-таки старушка пожила свое.

Антон Иванович приносит из дому весла. Следом на берег выходит Анна Ильинична; дымком вьются вокруг головы белые пряди. Она в цветастом застиранном фартуке и глубоких галошах на босу ногу. Я замечаю на левой галоше такую же, как у Антона Ивановича, круглую аккуратную заплатку и вдруг вспоминаю: года два назад я приезжал сюда с надувной лодкой и потом оставил старикам велоаптечку — вот она и пригодилась...

Глядя на нас, копошащихся, Анна Ильинична певуче спрашивает:

— Ну как седни, вода прибывает или на мерé?

— На мерé, на мерé, — отвечает Антон Иванович.

Анна Ильинична щурится, вздыхает:

— Слава богу, пора ей и утомиться. Откудова такая прорва, лонись и то помене было. Выбегла я как-то середь ночи, вода баню подмывает, у меня сердце так и рухнуло... А после ничо, скатилась.

Наконец все готово, я подбираю тонкую звенящую цепь и, поднатужившись, спихиваю лодку в воду. Она стремительно уходит от берега. «Табань скорей! — кричит недовольно Антон Иванович, стоя на берегу. — Табань, язви тя!»

Прыгаю через скамейки, вставляю в уключины весла, торопливо взмываю ими и все равно не успеваю: кормой ударяюсь о дерево, лодка гудит, в воду шлепается кусок коры. Не глядя на Антона Ивановича, смущенный, я разворачиваюсь, и, задевая веслами о стволы, плыву в глубь топольников.

Я плыву в топольники, небо над мной густеет, перехлестнутое черными голыми ветвями. Ветер уходит в вышину, солнечные лучи буравят мутноватую глубину; опаживает волной винный запах преющего дерева и тут же уступает другому — горьковатому запаху цветущего ивняка, которого отсюда еще не видно. Эти запахи! Они пуще воспоминаний будоражат память. Я начинаю волноваться, бестолково верчу головой — словно передо мной вот сейчас, сию минуту, должна раскрыться какая-то тайна, и я не переживу минуты, если упущу ее.

Я обгоняю запоздалую льдинку с вмержшими в нее катышками заячьего помета. Подмытая где-то в верховьях березка плывет так давно, что уже выбросила, как флаг, зеленую распутившуюся веточку. На кусочке коры сидит паучок-крестовик, сгорбившись от горя. Я осторожно задеваю кору веслом, паучок вдруг оживает, цепляется за весло, прытко бежит по веслу в лодку.

Я смотрю на неколебимые, как колонны, тополя. Черные, в два обхвата, стволы понизу поклеваны льдом, заскорузли, и трудно представить, что в них, как и в плывущей, оторванной от земли березке, гудит пробудившаяся жизнь.

Откуда в наших таежных и боро-
вых краях эти тополя, эта удиви-
тельная единственная роща, растя-
нувшаяся поймой реки на целые
километры? Далеко за рощей, на
гриве горы, высятся развалины
древней крепости, заложенной еще
екатерининскими казаками. Молва
рассказывает, что, защищаясь от
набегов джунгарской конницы, ка-
заки якобы обнесли свою крепость
заостренными, вбитыми в землю
кольями. Колья были из тополя, и
во многих местах принялись, пу-
стили корни — с годами образова-
лась роща. Я верил в эту легенду
в детстве, хочу верить в нее и сей-
час, хотя опыт и подсказывает мне,
что тополя не могут жить так дол-
го, а молодой поросли здесь никто
и никогда не видел.

Потом я бросаю весла, ложусь гру-
дью на узкий лодочный нос. Пря-
мо перед моими глазами — кольцо
с цепью, рядом едва заметная вда-
винка — корявая буква «Д». Ее
выжиг Данилка, мой друг, в такой
же солнечный весенний день лин-
зой, вынутой им тайком из старого
отцовского цейсса.

Странный был этот парень Данил-
ка. Он все свое детство прожил воз-
ле воды, но воды боялся панически.
Когда я из озорства начинал рас-
качивать лодку, он в страхе хва-
тался за борта и начинал визжать,
как девчонка, хотя был на три года
старше меня.

Зато в лесу он чувствовал себя
уверенно. Голодное военное детство
приучило его смотреть на окружа-
ющую природу с одной определен-
ной точки: а что тут можно съесть?
Ягоды и щавель, и птичьи яйца —
само собой. Он обламывал и жевал
весенние, мягкие, как свечки, вер-
шинки елочек, выкапывал корешки
кандыка, хрустел мясистыми тру-

бочками медвежьей пучки. В под-
заборной траве выискивал какие-то
калачики.

Любопытно было видеть его в лесу.
Вот он мягкой кошачьей походкой
идет по лесной тропе, широкие ноз-
дри смотрят вперед, в уголках губ
грязные заеды — он только что
съел какой-то корешок. Мне всегда
казалось, что зрение у него было,
как у зайца — сразу и влево, и
вправо. Вот он останавливается, де-
лает бросок далеко в сторону. Са-
рана своими мутовками похожа на
крохотную многоступенчатую
пальму. В землю вонзается лопа-
точной заостренная палка. Через
минуту в Данилкином кулаке жел-
тая маслянистая луковица. Едва
вытерев ее о рубаху, он сует луко-
вицу в рот. Жует он энергично, с
чавканьем, и в глазах его в этот
момент такое удовлетворение, что
становится завидно.

Я закрываю глаза, и мне вспоми-
нается тот самый солнечный весен-
ний день, когда я совершил посту-
пок, за который мне стыдно и
теперь. Данилка тогда лежал на
носу, как я сейчас, и с увлечением
выжигал линзой свое имя. Я осто-
рожно пробрался с кормы в сере-
дину, встал на борт и резко качнул
лодку. Данилка взвыл и с вытара-
щенными глазами сполз на дно.
Линза булькнула в воду.

Мы оба остолбенели; Данилка ти-
хо заскулил и стал судорожно сни-
мать штаны. Я не забуду выраже-
ния его лица, с каким он прыгал в
ненавистную ему воду. Благо, было
неглубоко — по плечи — и утонуть
практически было невозможно. Но
глядя, как Данилка барахтается в
мутной ледяной воде, тщетно ища
канувшее стекло, я понял, что шут-
ка моя оказалась более чем жесто-
ка. Отец Данилки был человеком

суровым, а бинокль его был памятью гражданской войны.

Я тогда тоже разделся и тоже нырнул, и у меня тисками сжимало голову, и я глотал воду, пахнущую снегом и лягушками. Позже, когда мы сидели в лодке с посиневшими лицами и тряслись так, что от лодки шла мелкая рябь, я не мог смотреть в Данилкины глаза и чувствовал себя, пожалуй, не менее несчастным, чем Данилка.

Я лежу с закрытыми глазами, лодка тихо скользит вниз, стучаясь бортами о стволы, точно пересчитывая их. Далеко, посредине реки, с натужным воем проносится моторка. Через минуту оттуда приближается полоса шлепков — это волны проходят сквозь топольник. Течение прибивает меня к залитому водой ивианку. Я встаю, хватаюсь за упругие бородавчатые прутья, подтаскиваю лодку к берегу. Обзеленные ладони мои густо пахнут медом.

Черноголовая птица повисла боком на голом стебельке, присматривается к неожиданному гостю. Выпрыгиваю на сухой прочный берег и бегу вверх, через гривку, с разбегу попадаю в частую изгородь волчьего лыка — кажется, я дал лишку вправо.

Кусты обрызганы карминовыми висюльками цветов. Я продираюсь сквозь них, как медведь, и оттого, что под ногами ничего не видно, мне становится немножко жутко и весело. Ошалело падают с цветов отягощенные взятком осы.

Кусты волчьего лыка наконец редуют — и передо мной кривой излучиной открывается Глухая курья. Я перевожу дыхание. Вдоль берега колышется пленка из черемуховых лепестков. С плачем гоня-

ются друг за другом над водой кулички. На берегу старый полуобвалившийся шалаш — видны ребра перекладин. Я спускаюсь к шалашу, заглядываю в него — сыро, затхло, валяется сплюснутая банка, на сучок надета бумажная гильза. Наверное, были охотники...

Я сажусь на бережок, закуриваю сигарету. «Глухая курья, Глухая курья...» — повторяю про себя эти слова и вдруг понимаю, что не надо нам, пожалуй, возвращаться в места нашего детства. Не надо вносить поправки в нашу память. Это ведь как вино: сначала туманит голову, а потом наступает трезвость.

...Фанька была дочерью сельского почтальона. Ей частенько приходилось помогать отцу, и в наших играх она почти не участвовала. Они были с Данилкой ровесники, но выглядела она, как и Данилка, совсем подростком: должно быть, нам плохо рослось в военные годы. Материна кофта из поплина висела на ней, как белье на веревке, волосы у самого затылка были перетянуты лентой, а на загорелых поцарапанных ногах болтались парусиновые туфли.

Мы с Данилкой помогали сгребать сено на лугах, а в полдень, когда припекло, убежали на Глухую курью. Сначала мы ловили в курье волосяными петлями щурят. Осторожно подводишь петлю под уснувшего на мели щуренка — рраз! — и он уже трепыхается в траве, раздувая жабры. Потом нам это надоело, я искупался, и мы полезли на черемуху.

Фанька вышла на берег неожиданно, по крайней мере, мы ее заметили не сразу. Сняла с плеча брезен-

товую сумку и стала медленно, движениями крепко поработавшего, усталого человека, раздеваться. Нам это показалось забавным, мы перестали жевать, притихли.

Солнце уже было на исходе, длинная Фанькина тень шевелилась под самой черемухой, на которой мы сидели. Одежки опадали с Фаньки, как пожухлая листва с дерева. Последним вялым движением она сдернула ленточку, отбросила ее, пошла к воде. Она забрела в воду, но не остановилась, а шла до тех пор, пока вода не коснулась подбородка. Тогда Фанька фыркнула и поплыла. За ее спиной струились волосы.

Она плавала бесшумно, как зверек, вертя маленькой блестящей головой, отфыркиваясь. Желтые глазки лилий вдоль берегов мигали, прыгали, как буйки.

Выходила она медленно, скользя по воде ладонями. Солнце текло с нее, дробилось у ног золотыми кругами.

Не было Фаньки — девчонки с угловатыми движениями подростка, засунутого в мешковатые чужие одежды, какой мы ее всегда знали. На нас шла женщина, и в блестящих овалах ее плеч гасла, бесследно растворялась моя железная мальчишеская насмешливость.

Я поперхнулся и проглотил косточку. Я чуть было не раскашлялся при этом. Данилка так зыркнул на меня, что мое горло само мгновенно прочистилось.

Фанька постояла, посохла на солнце, завязала влажные волосы узлом, оделась и ушла.

Мы спрыгнули на землю — ягоды нам как-то сразу расхотелось — и, боясь обнаружить свое смущение, стали дурачиться, кривляться, показывая друг другу, как выходила

из воды Фанька. Потом я подобрал забытую Фанькой ленточку, и мы помчались напрямик по высокой траве, по кустам — туда, где тропа делала крутой поворот.

Мы выскочили на тропу, возбужденные бегом и той тайной, к которой нечаянно прикоснулись. Фанька вышла из-за поворота, и мы смотрели на нее так, будто видели ее насквозь. Лица наши были, должно быть, довольно выразительны, потому что Фанька вдруг остановилась шагах в десяти и спросила: «Вы что, мальчики?» На плече ее висела тяжелая сумка. Она стояла скособочившись, кожа на шее некрасиво натянулась.

Я хотел оскорбительно засмеяться ей в лицо, крикнуть, что мы видели ее мослы, и не одни мослы, а кое-что еще, но вместо этого только мерзко хихикнул, сконфузился и шагнул с тропы. Фанька заметила в моей руке ленту, что-то поняла, губы ее презрительно дрогнули. Когда она проходила мимо, я протянул ленту, она небрежным жестом подхватила ее и ушла, не оглянувшись. Что в это время делал Данилка, я не знаю, но на тропе его тоже не оказалось.

Я усталился на него.

— Дурак! — сказал мне вдруг Данилка, выразительно сплюнул и подался от меня прочь.

— Сам дурак! — крикнул я запоздало и почувствовал, что у меня это прозвучало менее убедительно.

Через три или четыре года Данилку призвали в армию. Среди провожающих была Фанька, Фаня, Фаина — стройная смуглощекая чалдоночка, невеста моего друга.

А еще спустя три года — это было

в тысяча девятьсот пятьдесят третьем — Данилка Кусургашев погиб в Берлине во время путча, поднятого недобитыми фашистами.

Фанька в молчаливом отчаянии уехала из нашей несчастливой деревни, уехала навсегда. Я один провожал ее, уже в последнюю минуту она близко наклонилась ко мне, обожгла дыханием, сказала:

— Ну ладно, мальчишечка, все; живи весело. Только не гляди на девушек, которые тебе любы, такими глазами: они в этом не виноваты. Прощай.

Я пробормотал что-то невнятное, а когда остался один, вдруг отчетливо и горько понял: Фанька сказала правду. Но я бы все равно никогда ей в этом не признался...

Возвращаясь я уже поздно вечером. В топольниках кустится сумрак, масляно вздрагивает вода, и что-то нереальное чудится в этой молчаливой толпе загнанных в воду деревьев и походит на крещение язычников.

В рубашке уже довольно свежо, но я, причалив, долго не выхожу из лодки. Я сижу, курю, всматриваясь в неясные ночные очертания земли.

Наша деревня была старой, в ней жили коренные сибиряки, чалдоны, на противоположном берегу — переселенцы из центральных губерний. Тогда так и говорили: в «расейцах» гостем был или в «сибиряки» плавал. За годы войны, да и позднее, в верховьях были сильно порублены леса; весенние паводки стали для «сибиряков» настоящим бедствием. Часть домов подмыло, остальные, которые покрепче, раскатали и переплавили в «расейцы». Ото всей деревни остал-

ся теперь один двор Антона Ивановича — тогда он был крайним.

Ночью слух обостряется необычайно. У дома Антона Ивановича, в рябиннике, устраиваются на ночлег майские жуки. Монотонный басок я слышу издали, вот он приближается, густеет, потом вдруг щелчок — удар о ветку, и жук конфузливо замолкает. Где-то обваливается берег; сначала ухает, а потом целый кометный хвост всплесков осыпающей мелочи. За рекой прокашливается колхозный ретранслятор, проговаривает фразу — сплошное ба-ба-ба — и следом шипение на целую минуту.

Давно пора в дом, а я не могу уйти. Что-то задевает мою память. Я зажигаю уже третью сигарету, слушаю ночные звуки и незаметно начинаю волноваться. И вдруг — это как озарение — вспоминаю: гармошка! Гармошка на том берегу!..

...От крутого «расейского» берега звуки далеко мячиками катились по воде. Однажды вечером ко всем прочим звукам из «расей», к которым «сибиряки» уже привыкли и не замечали их — стук вальков, стрекоту веялок возле колхозных амбаров, взлаиванию собак — примешался новый звук: робкие переборы гармоники. Кто-то на том берегу учился играть.

Новичок пилил, пока не стемнело, а потом смолк: уморился.

На следующий вечер повторилось то же. Гармошка то басыла, словно у нее западали лады, то взвизгивала как от щекотки. Наш берег это забавляло, и девчата поголосистей стали кричать через реку всякие веселые вещи. Но «росейский» был упрям и вскоре уже довольно сно-

сно сыграл какую-то простенькую песенку.

Так и повелось с тех пор. Наступал вечер, отходили заботы много-трудного сельского дня — и над притихшей рекой раздавались аккорды знакомой гармоник.

Играл гармонист все без разбора — нажимал больше на русские народные песни, на революционные, часто играл входившие тогда в моду «Спят курганы темные» и «Катюшу».

Но потом стали замечать склонность гармониста к лирике.

С особенным чувством и какой-то загадочной настойчивостью играл он одну мелодию. «Коль жить да любить — все печали растают, как тают весной снега, — пела гармошка, и голос ее при этом был трогательно-наивен, будто игравший на ней сам только что открыл эту истину и спешит поведать ее миру. — Звени, золотая, шуми, золотая, моя золотая тайга».

Никто на нашем берегу уже не смеялся над незадачливым гармонистом. Слушая его, мы вдруг с изумлением и непонятной радостью, будто сделали бог знает какое открытие, однажды поняли, что гармонист — очень откровенный парень и что он влюбился!

Потом гармошка за рекой поведала всем, что у парня случилась размолвка: уж слишком явно, недвусмысленно принимались слова старой песни: «За окном весенняя распутица, как безлюдно рано поутру. Только листик запоздалый кружится, только птицы зябнут на ветру».

Даже пожилые чалдонки, сидя вечером на бревнышках, грустнели. «Гармонист-те наш — слышите? — опять в тоску попался», — говорили они.

Думал ли «расейский», что его слу-

шает наш берег, я не знаю. Может быть, ему это было безразлично, но мы к нему уже не были безразличны. Его талант и открытая душа, которая с такой простотой и наивностью выливалась в песенных импровизациях, подкупали.

Мы уже знали, что парень помирился со своей любимой; а потом с уверенностью предположили, что у него состоялась свадьба: гармошка сразу стала спокойной, радость ее сдержанней, а грустных мелодий не стало слышно совсем. Да и играл теперь гармонист вечерами понемногу. Что ж, все понимали — когда в доме молодая жена, допоздна не погуляешь...

Спустя год у нашего гармониста родился сын, это случилось весной, в апреле, когда только что прошел лед, и река еще дышала погребным холодом. Гармошка звучала чуть ли не до рассвета, охрипла; на нашем берегу смеялись: простудил на радостях-то сердешную!

Однако недолгой была радость речного гармониста: через два месяца грянула война.

В чередѣ замелькавших трагических дней, в проводах мобилизованных, в слезах женщин и любимых, в скупых, холодивших сердца сообщениях информбюро пролетело лето.

И уже под осень, как-то в сумерках, когда обычно возвращались с полей, по нашим сердцам, особенно сердцам женщин, ударил с того берега знакомый голос гармошки.

Все как-то забыли о ней, а может быть, она это время не играла. Но сейчас, когда вдруг слышали ее, так обрадовались ей, старой знакомой, что многие даже заплакали.

А гармошка пела о товарище, который улетает в далекие тревожные края, о боях и войнах, в кото-

рых ему суждено быть, но из которых он обязательно вернется в свой любимый город...

Гармошка слышалась над рекой еще несколько вечеров, а потом затихла.

Очень надолго затихла гармошка. Прошел военный год, миновал второй; деревня наша жила иступленной работой на полях и ожиданием хороших вестей с фронта. Но хороших вестей с фронта в эти два года было немного. Иногда вспоминали гармониста с того берега, гадали о его военной судьбе, жив ли он еще — похоронки тогда приходили едва ли реже писем...

Потом о нем почти забыли.

Он сам напомнил о себе песней «Вечер на рейде», внезапно хлынувшей с «расейского» берега.

Теперь мне почему-то кажется: гармонист знал, что его слушают не только соседи и односельчане. Более того, он наверняка играл, главным образом, для нас, для нашего притихшего пустынного берега.

Был разгар войны. Гармонист, вероятно, вернулся домой по ранению — такие вещи случались часто — но мы рады были, что он жив, и были благодарны ему за щедрость его души. Истосковавшие по инструменту руки играли на этот раз с особенной, какой-то трагической проникновенностью.

Мы узнали, что воевал гармонист на море, защищал, может быть, Севастополь, уходил десантом к скалистым берегам Заполярья. Могло случиться, что подбор песен был случайным, и гармонист исполнял то, что слышал за эти два года и что крепче запало ему в душу. Но нам хотелось думать, что наш друг остался верен себе: в его музыке

была его собственная жизнь, его судьба.

Недели через две-три гармошка снова замолчала.

И молчала теперь уже до самого конца войны...

Началась демобилизация. Возвращались домой победители. Снова у женщин стали застилаться слезами глаза — у одних от радости встреч с любимыми, сыновьями, у других — от ускользающей теперь уже навсегда надежды, что проклятая похоронка, может быть, сошла.

Ожила деревня. Девчата снова стали выходить на берег. Вспомнили о зареченском гармонисте, что-то долго он не возвращается.

Прошла вскоре и вторая демобилизация, за ней третья, вернулись все, кому суждено было вернуться. А гармошка на том берегу молчала... Никто, пожалуй, из нашей деревни не знаком был с гармонистом, даже не знал его в лицо, но гибель его все переживали так, будто потеряли близкого человека...

Жизнь входила в мирную колею. Девчата, помнившие гармониста, повыходили замуж, их захлестнули семейные заботы; подросли дети, горе вдов закаменело временем.

Река вечерами была тиха и пустынна...

И вдруг — это случилось тоже вечером, в мае, когда северные ветры обивают черемуху и гулко шумят в голых залитых топольниках — наша деревня замерла: с того берега просочились и полились тоненькие, неуверенные, сбивчивые звуки гармошки.

Инструмент был тот же самый, но взявший его в руки был, вероятно, совсем новичок. Пальцы то и дело соскакивали с клавиш, звуки всхлипывали и дрожали.

Женщины оставляли самую неотложную работу, выходили на крылечко, стояли со скорбными лицами. У вдов начинали дрожать спрятанные под фартук руки. Дети затихали, чувствуя по лицам матерей, что происходит что-то значительное.

Играл сын гармониста. Правда, еще играл робко и нечто неопределенное. Однако уже чувствовалось — упрямством он пошел в отца. И хотелось думать, что будут дни, когда гармошка зазвучит снова уверенно и ладно над примолкшими, слушающими ее берегами, с подкупающей откровенностью ведая миру о щедрой душе своего хозяина...

Растревоженный воспоминаниями, я выбираюсь из лодки, втаскиваю ее на всякий случай повыше, иду к дому. На нижних сучьях растущей в ограде сосенки бормочут куры. Поблескивают на стене термометры. Запахи дворовой ромашки, слежалого навоза, свежевскопанной в огороде земли напоминают о крепком, устоявшемся жилье.

В сенях темно, и я вхожу в дом почти ослепая. На подпечке горит керосиновая лампа с отражателем. Антон Иванович уже спит — он вообще ложится спать рано, с первыми сумерками. Анна Ильинична за деревянным станком — такие я теперь вижу только в музеях — ткет из цветных лоскутков дорожку. У ног ее корзина с огромными, как футбольные мячи, клубками лоскутных лент. Дорожка выходит узловатая и пестренькая, как картинка абстракционистов.

Увидев меня, она певуче произносит:

— А, полуношник явился. Только дверь-те в сенках притвори, а то мошки понапихается.

Потом я ужинаю. Мы вполголоса разговариваем с Анной Ильиничной о разных житейских вещах, о городе, о давнишних общих знакомых, занятые каждый своим делом. Мне всегда нравится разговаривать с этой суетливой и негромкой, вечно занятой делом женщиной.

Удивляет и восхищает порой меня ее речь — коренной, не знавшей грамоты сибирячки.

Как-то утром, собираясь на рыбалку, я спросил ее: что она думает, какая будет погода? Анна Ильинична поглядела на небо, на дальние сопки, обволакиваемые туманом, сказала: «Дак какая седни погода? Не будет погоды: вишь, горки топятся».

Уезжая всякий раз из тихого приветливого дома и желая как-то отблагодарить стариков, я приглашал их в гости: автобус, мол, ходит регулярно, а моя жена давно хочет познакомиться с ними, пусть придут, в цирк сводим, в кино. Анна Ильинична смеется, стеснительно машет ладонью: «Э, куды там в город, на автобусе-те мне худо бывает. Остановят, дак хорошо, обыгаюсь и дале. А ежели не остановят — вся так зеленую и возмусь». И снова машет: «Куды там...» Однажды у нас с ней — не помню по какому поводу — зашла речь о мужьях, бьющих своих жен, и я, хотя и шутливо, но довольно неловко намекнул: как, мол, в этом смысле Антон Иванович? Анна Ильинична поджала губы и сухо и решительно ответила: «Перста на голове не бывало, не задёвывал».

Вот и сегодня, когда я ложусь спать на посланную мне лежанку, Анна Ильинична неслышно подходит и,

накрывая меня еще чем-то, приговаривает: «Кабы не задрог по зорьке-те, разведрило. А одеяло-те у меня тепло, ново, не мывано».

И я лежу в обтекающей меня дреме, вдыхаю запах «немываемых» одеял, слушаю деревянное постукивание станка, и мне легко и бездумно, как бывало только в детстве.

В моем засыпающем мозгу бродят отрывочные видения — блеск мокрой гальки, полосатые осы, сыплющиеся с цветов, как парашютисты, камни далекой крепости, влитые в прозрачное небо, излучина Глухой курьи, нагая в солнечном нимбе Фанька. И все это заслоняет старая перелатанная лодка с выжженной навечно буквой «Д», скользящая по

топольникам, как по залитому водой храму.

Прежде чем кануть в сон окончательно, я еще успеваю подумать о том, что завтра обязательно схожу в Настин лог (вдруг посчастливится увидеть досей?), потом заберусь на крепость, а потом, может быть, осмелюсь заглянуть к охотнику Кусургашеву. У меня есть повод. Я расспрошу подробности о его остроумном и наверняка запретном приеме ловли соболей, и он расскажет мне, потому что я ему не конкурент. И, может быть, попрошу поддержать в руках старый цейсс, оставшийся одноглазым по моей, а не Данилкиной вине.

СИБИРЯКУ НА ПАМЯТЬ

Первое письменное известие о землях, лежащих за «Камнем» (старое название Урала) относится к 1096 г. Оно помещено в Киевской летописи Нестора. Летописец описывает походы новгородцев в Юргу — низовье рек Печоры и Оби.

Появление первого на Руси литературного произведения о народах Приуралья и Зауралья относится к началу XVI века. Им было сказание «О человеках, неизвестных в Восточной стране».

Первым русским городом в Сибири является zaloженный в 1586 году на реке Туре г. Тюмень. Годом позже был основан г. Тобольск.

После разгрома войска хана Кучума и захвата столицы ханства Ермак был назначен Иваном Грозным царским управителем новым зауральским краем.

В 1586 году в Москву из Сибири было доставлено 200 тысяч шкурок соболя. Торговля пушниной являлась одной из главных статей дохода Московского государства. Но уже к середине XVIII века заготовка пушнины в Сибири отошла на второй план. Глав-

ным занятием русского населения, возросшего к тому времени почти до 1 млн. человек, становится горная промышленность.

Открытие в начале XIX века золотых россыпей на Алтае и многих других местах вызвало новую волну переселенцев из европейской части России. К середине XIX века русское население Сибири превышало 2 млн. человек.

Горные округа южной Сибири — алтайские, салаирские, забайкальские серебряно-свинцовые рудники — давали в XVII—XVIII веках девять десятых серебра всей России. Сибирское серебро играло важную роль на мировом рынке.

* * *

Отпусти меня, мама, на волю,
Пацана непослушных кровей.
Я уйду в многоцветное поле
И усну в нешумлигой траве.
Сколько лет этот сон мой продлится,
Я пока не скажу никому.
Будут синие-синие птицы
К изголовью слетать моему.
Будут синие-синие ветры
Мой негромкий покой охранять.
И тогда все живое на свете
Позабудет совсем про меня.

Буду спать я тревожно и чутко.
Но в минуту святую одну
Покачнется во сне незабудка
И разбудит мою тишину.
Весь неведомой силой просвечен,
Поднимусь я над сонной травой.
И обрушит мне солнце на плечи
Свой могучий заряд световой.
И, вчерашний мечтатель, подросток,
Повзрослевший на тысячу лет,
Вдруг пойму удивленно и просто,
Для чего я живу на земле.

У Т Р О

Обрастал зеленым мохом
Старый тополь у окна.
На дворе коровьим вздохом
Пробудилась тишина.
Раскрываю окна настежь
Непричесанный, босой:
— Здравствуй, утро!
— Здравствуй, счастье,
Окропленное росой.
Здравствуй, милая деревня,
С плеч стряхнувши сон и лень,
По твоим законам древним
Начинаю этот день.
Окачусь водой студеной,
Рушником утру лицо.
Вместе с бабушкой Матреной
Пойду-выйду на крыльцо
Провожать коровье стадо
За осевший старый тын,

Наблюдать, как в палисаде
Просыпаются цветы.
Перемножив вдох и выдох,
Дров для печки наколю,
А потом с довольным видом
Папироску раскурю.
А домой вернувшись снова,
Крынку взявши за бока,
Выпью теплого, парного,
С легкой пеной молока.
Зорька окна зарумянит,
Поползет туман с полей.
Не замечу я, как станет
На душе моей светлей.
Этот день пройдет, как чудо.
Ночь наступит. И тогда
Я усну и позабуду
Все на свете города.

ДВА РАССКАЗА

Смотрю в твои глаза

Особой пригожестью ни в детские годы, ни в отрочестве Димка Оноприенко не отличался. Почти до шестнадцати лет он состоял из одних «коленчатых суставов». Скуластый, недисциплинированная русая шевелюра, коротковатый нос, во всякое время года немного облупленный: то ему перепало с излишком от затяжных морозов, то летнее солнышко не в меру прихватывало. Сам Димка на такую пустяковину не обращал внимания, а главе семейства Григорию Анисимовичу и недавно не было никакого дела до такой детальки, как Димкин нос. Абы не сопливый. Важно, что парень жил. Учился не из последних, аппетит всегда имел отобюролизированный, интересовался техникой, мастерил детекторные приемники, читал по ночам исторические книжки про пу-

тешества. И никогда не болел, даже не прибаливал. Он был сибиряк. А что фамилия их немного смахивала на хохлацкую, так ведь из хохлов, из белорусов, из керженских беглецов, из казаков с Дона и Чала как раз получились потом сибиряки. Фамилии у сибиряков обыкновенные, русские, и небо над головой с рождения и до смерти такое собственное, привольное, что станешь вот так посреди земли, заломись шапку и — дыши, любуйся.

Жили Оноприенки вдвоем — отец, сын. Без всякого духа святого. Матери Димка не помнил, хотя знал про нее все, как по школьной хрестоматии или даже лучше. То, что он знал про нее в семь лет, когда в первый раз перекинул через плечо холщовую школьную сумку, к десяти, а потом к пятнадцати годам

повзрослело и становилось все выше, все недостижимее. Роднее.

Их двухкомнатная квартирка помещалась на втором этаже старого деревянного дома, который был поставлен еще до революции каким-то местным купчиком-субчиком. Купчика давным-давно выдуло историческими ветрами из родных пределов, а дом, сработанный руками купецких батраков, все стоял на предназначенном ему месте, весь из лиственницы, в кружевных наличниках. Жить в этом доме было можно. Вот и жили. Снизу помещалась лавка скобяных товаров, а на втором этаже — Димка с родителем и, как он себя помнил, у них всегда были одни и те же постоянные соседи. В темном коридорчике слева можно было сразу нащупать створчатую фанерную дверку. Тут проживал с незапамятного времени Василий Тихонович Омбыш-Тютин. Дворянин. Он, Омбыш-Тютин, как говорили, еще с дореволюции работал кассиром в местном отделении банка. Сгорбленный такой, тихонький, с аккуратными белыми усиками над неприметным ртом.

А еще в одной двухкомнатной квартирке, что выходила маленькими окнами на пыльную булыжистую Первомайскую, никто не знает с каких времен проживало шумливое семейство горного мастера с шахты имени 7-го Ноября Мины Лукича Лысенкова. Если бы семейство горного мастера поселилось рядышком с Оноприенками и Омбыш-Тюти-

ным так вот, как снег на голову, может, и лихо бы пришлось соседям. Но ведь шестеро дочерей у Лысенковых появились, как и положено, дружка за дружкой — через годик, через полтора, и что на половине горного мастера год от году становилось все голосистее, то к этому постепенно и привыкали. Тетка Агаша Лысенкова — рослая такая, полнотелая, медлительная, казалось, никакого внимания не обращала на все свое девчоночье поголовье. Родились, ну и живите, господь с вами. И девчонки, действительно, жили самосильно: верещали, пели тоненькими голосами песни, колотили мальчишек во всех соседних дворах, таскали по взаимности, по-сестрински друг друга за волосы. Тишина наступала, когда сам Мина Лукич, — крепенький, светлоусый, — пребывал дома, когда он отдыхал за ведерным самоваром, или спал, или, сидя у окошка, читал рудничную газету «Призыв». В такие часы верещать девчатам не полагалось.

В получку или в аванс Мина Лукич заявлялся домой весь увешанный связками бледно-розовых кренделей, с карманами, из которых торчали копченые колбасы, и рассыпались по полу карамельки в цветных бумажках.

Тетка Агаша, не поднимая темно-волосой головы от извечного починочного рукоделия, говорила:

— Сподобился.

Шестеро дочерей, подковкой обустроив отца, взирали на него молча

и благоговейно, пока он не произно-
сил разрешительного слова:

— Кровиночки!..

Потом шестеро дочерей умело,
бойко распатронивали Мину Луки-
ча без отрыва от порога, выгребали
из его карманов всю накопленную
сладость, весь гастрономический де-
ликатес, а за одним и наличием.
Пока эту наличием молча пересчи-
тывала тетка Агаша, пока дочери
молча набивали зубастые рты кара-
мельками, Мина Лукич восклицал:

— Царевны!

Потом декламировал:

— Гармонь, гармонь, родимая
сторонка, поезия... поезия россий-
ских деревень.

И еще у Мины Лукича в таких
обстоятельствах был неперменный
обряд. Он стучал в двери Омбыш-
Тютина и спрашивал:

— Живешь?

Стучал в двери к Оноприенкам и
спрашивал:

— Продолжаете жить?

А когда тетка Агаша брала его в
беремья и укладывала в постель, он,
как на митинге, миролюбиво гро-
зил:

— Живете, пока мои стаханов-
ские руки вас не достигли...

После семилетки и горпромуча
Димка стал работать на той самой
шахте, на которой закончил свою
рабочую страду Григорий Онопри-
енко. Жил он уже тогда один, толь-
ко рядом с мамкиным портретом, в
той же самой рамке приклеил порт-
рет отца. Они были очень похожи

друг на друга — отец и мать. Оба
были необыкновенно молодыми, и,
когда посмотришь в их глаза, — не-
объяснимо смелыми.

После того как отца не стало, по-
сле того как Димку хотели свои же
ребята, своя шахтерская косточка,
исключить из комсомола, после то-
го как Димка чуть не зайцем (денег-
то кот наплакал) съездил в Москву,
в ЦК комсомола, он с полгода рабо-
тал на проходке, а потом горным
мастером. Он был самым молодым
горным мастером на руднике. И са-
мым беспокойным для начальства.
Шахта есть шахта, мало ли тут вся-
ких достижений и, тем более, всяких
прорех. Обо всем и про все можно
ведь договориться в своем рабочем
кругу, а Димку потянуло на глас-
ность, на литературу. Стал писать
сатирические заметки в местную
рудничную газету. Одну такую за-
метку перепечатала республикан-
ская газета, и после этого, без вся-
кого промедления, начальник шах-
ты издал машинописный приказ: «В
связи с тем, что по смене обнару-
жен перерасход взрыв- и крепмате-
риалов...»

Рудничная газета выступила по
этому поводу со зловещим фельето-
ном, а Димку Оноприенко позвала
к себе на штатную работу. И ока-
зався он литературным сотрудником
производственного отдела. В крас-
ной коленкоровой книжечке так и
было сказано: «литературный со-
трудник». Он приходил на любое,
самое ответственное заседание или

конференцию, предъявлял красную книжечку, выбирал самое для себя удобное место, раскрывал блокнот и записывал на белых листочках, как течет и разворачивается вокруг жизнь. Плюсы и минусы заносил в свой блокнот и, случалось, любовался своим округлым почерком. В жизни ужасно много неожиданного, удивительного, в жизни есть над чем подумать.

Над тем, например, что вдруг, значит, неожиданно становишься сопричастным к литературе, к журналистике, что ты можешь встретить в жизни Галку Матвееву.

К тому предъюньскому времени, того незабвенного теперь в веках сорок первого года, в редакции на высшем профсоюзном уровне обсуждался вопрос: покупать или не покупать для коллектива такое архисовременное средство передвижения, как мотоцикл. Деньги были — вот они, возьми их, отдай в кассу и получи великолепный мотоцикл ИЖ-7, и...

Редактор колебался, профком, в лице Миши Ченявского, вообще был против: сотрудников, понимаете, в редакции ровно девять, мест на мотоцикле, понимаете, ровно два — ни тебе коллективного выезда, никаких других коллективных мероприятий. А заслуженного линотиписта Якова даже в связанном состоянии на мотоцикл не посадишь.

Но веяние времени и демократия победили. А так как в штате редакции наиболее технически подготов-

ленным оказался прежде всего Димка Оноприенко, то ему и порекомендовали технический уход и производственную эксплуатацию ИЖ-7.

Не обошлось без неприятностей. Ах ты, господи, кто бы такое мог позабыть. Случилось на демонстрации в честь революционного праздника. Колонну городской интеллигенции возглавил коллектив рудничной газеты. Редактор, Петр Михайлович, нес художественный лозунг на красном полотне: «Ты вступил в члены осоавиахима?». А Димка ехал впереди колонны на ИЖ-7. Секретарь рудкома партии только-только поднял руку и хотел крикнуть в массы: «Да здравствует наша славная советская интеллигенция!», как ИЖ-7 прямо против трибуны остановился. Заглох. То ли газу ему Димка поддал мало, то ли по другой необъяснимой технической причине, а ИЖ-7 заглох. Секретарь рудкома в связи с этим от лозунга воздержался, а интеллигенция дружно вручную протолкнула мотоцикл мимо трибуны.

Вообще это была очень загадочная машина. До зелененького, березового карасинового озера Глухое, когда литературный сотрудник рудничной газеты доставлял туда редактора на вечерний клев, машина действовала, как часы. И на обратном пути воскресным вечером — тоже действовала, как часы. А когда случалось срочно побывать на смене знаменитого лавщика — стахановца Хмелева на шахте 10, — она, эта за-

гадочная машина, обязательно взбрыкивала. Что-то у нее вдруг не ладилось с подачей горючего, или диски «фирадо» заклинивало, или просто так останавливалась посреди дороги и даже не посапывала.

А с шахты 10 репортаж в номер задерживался, и газета такую роскошь не могла себе позволить, если бы даже остановился весь механический транспорт на всей планете. Потому что это была шахтерская газета «Призыв»! Вот так.

Когда при срочном задании это ижевское изделие останавливалось, Димка бросал его на дорожной обочине и действовал уже собственными ногами — и до шахты 10 и, обратно, до редакции. А в редакции надо было становиться один на один перед скорбными очами редактора, с беспорядочными тезисами и сообщениями по поводу рекорда стахановца Хмелева. И тут же, у стола редактора, топтался в синем халатике метранпаж, курил махорочную самокрутку и надоедливо спрашивал: «Значит, две колонки на первую полосу горят?»

Димка темнел лицом, нагибал голову, кулаки у него тяжелели, и редактор говорил:

— Две колонки будут через полчаса. Пельменная закроется через два часа. Успеешь, дядя Яша.

Две колонки на первую Димка сдавал ровно через полчаса. Дядя Яша — метранпаж — успевал в пельменную. Да что говорить, если вся душа была вовеки и присно на

вздыбках, если вся душа была на взлете.

С пятницы на субботу Димка дежурил по номеру. На первой полосе шел важнейший материал: решение пленума ЦК угольщиков Востока. Редактор сказал, когда уходил:

— На первой странице даем. Специально. От этого зависит, дадут для редакции новое помещение или...

Все было честь по чести вычитано, выправлено, — и решения пленума, и собственный очерк Димки об окружающей советского человека природе, — ну, как во всякой благопорядочной редакции, все было сделано и подготовлено. И это располагало к дремоте, к философствованию и к излишним переговорам по телефону. Димка спрашивал по телефону:

— Ты еще не ушла с работы?

Галинка отвечала:

— Как же я уйду, если ты на работе?

— А наше дело такое... Вот подпишу номер...

— И обо мне подумаешь?

— Если время достанет.

— Ой!

— Чё?

— Какой ты...

— Не отвлекай, мне третью полосу принесли, идеологическую.

Уже утром, когда в нижнем этаже перестали гудеть печатные машины, а идти домой из сил не хотелось, Димка уронил голову на стол, прямо на сырой сигнальный

номер своей шахтерской газеты и сладенько заснул.

Десять ли, пятнадцать ли минут он проспал, только затылок за это время ему успело пригреть солнце. Еще сквозь дрему вспомнилось, что вот-вот должна позвонить Галинка, что тираж уже увезли на почту, что сегодня шахтеры будут читать его лирический очерк, что ребята на редакционной летучке будут ему подмигивать, без всяких слов похваливать. Встряхнулся и машинально стал читать уже примелькавшийся материал о пленуме. «Пленум скрыл серьезные ошибки в деятельности...».

Димка еще раз встряхнулся. Помилуй бог, почему скрыл?! Тут же было: вскрыл! Вскрыл!

Несколько мгновений Димке казалось, что он все еще спит, что такая ужасная ошибка может ему только присниться. Но солнце светило во всю летнюю силу, с улицы слышался рабочий утренний шумок, в горлышке графина красовался стебелек саранки с тремя королевскими коронками. Все было на своем месте. И солнце, и саранка. И эта горестная ошибка о пленуме. А вся ошибка заключалась в том, что металл состарился от бесконечных переплавок, и под литерой «в» организовалась произвольная пустота, а, когда печатная машина стала шлепать и вертеть газетный набор, литера «в» провалилась. Вот же туды его, горе-гореванное!

Димка глянул на часы. Придите

ко мне, все страждущие и обездоленные! Почти шесть утра, и тираж на центральном почтамте уже расфасовывается в сумки почтальонов, а ножки у почтальонов!..

Надо было задержать весь этот разнесчастный тираж. Власти для этого никакой. Только злость.

Почти не запомнил, как скатился по деревянной лесенке со второго этажа, как вытолкнул ИЖ-7 из дровяного сарайчика, как толкнул стартер. Движок отозвался с одного толчка, а потом понес, понес Димку вверх по Первомайской, до самого одноэтажного почтамта.

Знакомая девчонка из экспедиции неподдельно удивилась:

— Как это задержать тираж? Сдурел?!

— Не я! — Взмолился Димка. — Металл... Политическая ошибка.

Девчонка из экспедиции вздернула плечиками: если политическая, тогда какой разговор? Тираж немедленно задержим. А убытки по тиражу и возмущение читателей — это как?

— За мой счет, — сказал Димка.

Девчонка мельком окинула серыми глазами неказистое полуспортивное обмундирование Димки и с сожалением заметила:

— Капиталист. Али-Баба.

Потом Димка долго звонил на квартиру редактору, Петру Михайловичу, а тот никак не желал понять спросонья, что литера «в» запала, что получился политический казус, и в связи с этим непониманием ни-

как не хотел согласиться на изъятие нынешнего суббогного тиража. А когда, наконец, допонял, то очень рассердился, запыхтел, задышал по телефону и после этого совершенно трезвым басом распорядился:

— Тираж ликвидируем. Это наш партийный долг. Наш. А ты, голубчик, немедленно явись в редакцию. Хочется посмотреть на твое безответственное личико. Очень хочется. Хочу иметь такое удовольствие.

И он имел такое удовольствие. Говорил об ответственности, что, если чувство ответственности притупляется, тогда совершенно бесполезно все сваливать на состарившийся металл. В связи с этим мы теряем... да, несомненно, теряем молодого и подающего надежды... Потому что...

А Димка смотрел на розовенькое личико Петра Михайловича и слушал не Петра Михайловича, а гул медленных эскадрилий, которые все летели и летели с Востока на Запад, за Урал. И представилось ему, что он вот сейчас, немедленно выходит из этого кабинетика, садится на ИЖ-7 и тоже летит на запад. На запад.

— Потому что... — повторил Петр Михайлович.

— Карбюратор у мотоцикла барахлит, — отозвался Димка. — Вы в прошлый раз совершенно технически безграмотно залезли в карбюратор. Сколько вам раз повторял: не лезьте с... этим, как сказано, с рылом, в карбюратор. Иголку погнули. Жиклер и перестал нормаль-

но подавать горючее. Сколь раз повторял...

Петр Михайлович сделал трудные такие большие глаза и сказал предсмертным шепотом, почему-то показывая на окно:

— Вон!

Димка не очень огорчился. За окном был день, изо всех сил погожий, летний и, если приглядеться, то далеко за окраинами городка виднелись вышки молодых, смелых шахт, а еще дальше, за шахтами, виднелись березовые колки, а потом горы, а на горах летние снега.

— Карбюратор я исправлю, Петр Михайлович, — пообещал он. — И мотоцикл на сегодняшний и на завтрашний день возьму в собственное пользование. В счет зарплаты. А когда вернусь, то сразу и познакомлюсь с вашим, Петр Михайлович, приказом.

Он не успел в тот день написать ни строчки для газеты, зато исправил карбюратор и, мало того, вывел его на глазах у редакционной публики из дровяного сарая. И был таков. Пыль столбом. То есть в буквальном смысле пыль столбом. Кусок хлеба был в одном кармане штанов, удочки и перочинный ножик — в другом. Так рванул навстречу ветру, так рванулся навстречу всему, что было самой жизнью загадано!

Как раз глушитель отсоединился, и движок застрелял, как застрелял! Единственный на весь город милиционер, который охранял государственный районный банк, и тот засви-

стел. Димка остановился. Заглушил движок. Милиционер Коля спросил:

— Чё ты трещишь, не на милость божью?

Димка объяснил, что глушитель отсоединился, а милиционер Коля посетовал, что Димка у него почти единственный нарушитель правил уличного движения. Не дядя Гриша-водовоз управляет лошадью, а лошадь управляет дядей Гришей. Это доказано.

— А ты куда, Димка?

— В трест. За оперативными данными.

— Передай привет Галинке. Вчера, понимаешь, пригласил на танц-площадке — хвост козырем. Милиционер — не человек.

Димка усмехается. С самого юного детства Галинка танцевала только с ним, с Димкой Оноприенко. Только с ним и ни с кем больше. И Димка ни с кем, кроме Галинки, не танцевал. В этом смысле они были занятыми единоличниками.

Движок сегодня тянул на удивление ладненько, даже на самом малом газу. Димка споро так проскочил сосновый борок, и перед зданием местного угольного треста сделал, как обычно, круг почета. Как обычно, в кирпичном здании треста открылись чуть ли не все окна и в них показались очень заинтересованные лица многочисленных сотрудников. На самом крутом, прямо артистическом выраже, Димка лихо тормознул, сбросил начисто газ и

стал как вкопанный. И сразу тишина великая воцарилась над июньской землей. И Галинка была уже вот она — рядом. Оглянулась на окна, на заинтересованные лица сотрудников треста и быстренько пристроилась позади Димки, тронула его за плечо.

А он тронул стартер, включил первую, включил вторую, третью, и спать рванулся навстречу им с Галинкой весь теплый, весь зеленый субботний праздничный день! Тугой ветер бил в лицо, в глаза, сушил губы. Тянул, трещал движок, летели навстречу ветры притаенных дорог, дышала ровненько и требовательно за плечами Галинка, а впереди, в запасе у них была целая жизнь. Целая жизнь и прохладная горная река. И ни сном ни духом не знали они, что это их последняя поездка, последний их субботний день, что много еще у них будет и субботних, и воскресных дней, но все они будут поврозь.

Вот и река — зеленоватая, студеная. Димка сказал:

— Ты пройдишь пока вон до тех сосенок, а я разденусь и разочек бултыхнусь. Злой я, как сто тысяч чертей, против современных типографий, против профсоюзных пленумов и... Но редакторы тут ни при чем. У них должность такая.

— О чем ты? — Удивилась Галинка.

О жизни он. И окунуться вон в том омутке хочется.

— Ты же потный, простынешь...

— Я?!

Потом, до самого Днепра осенью срок третьего года ему ни разу не удалось окунуться ни в какие речные воды, все было по-солдатски недосуг. Может, потому и запомнилось это последнее мимолетное купание в родной студеной речке. И еще тем запомнилось это мимолетное купание, что Галинка была рядом, — она не пошла ни к каким сосенкам, а тоже расхрабрилась и поплыла рядом, и совсем близко были ее глаза.

Отдышались на берегу, на теплом песочке, говорили о жизни, — какая она есть и какая она должна быть. Димка, припоминая выдержки из последних газетных передовиц, очень квалифицированно рассказывал о международном положении, даже позволил себе усомниться по поводу пакта о ненападении, который в позапрошлом году был подписан с гитлеровской Германией. Потому что все равно придется воевать с фашистами. Все равно.

А когда международные вопросы были исчерпаны, они ползали по теплой полянке, посреди белоголовых ромашек и ели клубнику. Ягоды попадались крупные, наливные — их было боязно трогать руками, к ним хотелось губами припадать. И они припадали к ягодам губами, дышали запахами земли и изумленно взглядывали друг на друга, как первожители своей собственной планеты.

Ночью они лежали под единственным на ягодной полянке деревцем-бояркой, смотрели сквозь изломанные ветки на небо. И еще Димка осторожно прикасался пальцами к биску Галинки. На виске потаенно билась тоненькая жилка. И это было самое главное на планете Земля. А над планетой, с Востока на Запад, за Урал, посреди июньских звезд все летели и летели военные самолеты. А по железным дорогам все громыхали тяжело и грозно воинские эшелоны.

В какую-то не очень обязательную минуту Димка спросил:

— Сообщение ТАСС читала?

Галинка отвернулась от звезд, успокоенно положила теплую ладошку на лоб Димки.

— Это какое сообщение?

— Что наши воинские части передислоцируются в летние лагеря. С востока на запад.

— И пусть передислоцируются...

Как близко было в тот час лицо Галинки, как ненасытно смотрелось в ее глаза.

— Если мы поженимся, если ты останешься солдатской женой, Галя... — сказал Димка.

Она взяла в ладони его лицо, протянула к себе, спросила:

— Ты зачем про это?

— Потому что смотрю в твои глаза.

Такая это была июньская ночь.

Иди, солдат!

Димка шагнул с тропки в сторону, хотя точно знал, что не надо этого делать, — а вот шагнул и, по-стариковски согнувшись, присел на помятую, пожухлую августовскую травку и с облегчением прислонился спиной к какому-то деревцу. На этот раз, — в который уже, — он так устал, что думать ни о чем не хотелось. Прогромыхала еще одна бессонная ночь. Ноеет между крыльцами. А груза на себе — всего ничего: автомат, два запасных рожка-магазина, полевая брезентовая сумка на брезентовом ремешке и по какому-то случаю попавшая в карман Ф-1. Правду говорят: солдату в походе и иголка в тягость.

Зато в блокноте у него... Димка кладет руку на сумку и замечает на раскрытой ладони муравья, — маленький, рыжий, суетливый... Война.

Где-то неподалеку с хриплой злостью рвется шальной снаряд. Леню оглянуться. Непокрытую голову холодит ветерок. Хорошо. Попить бы... Но до реки не меньше шести километров. Надо идти. А веки все тяжелеют, тяжелеют, и небритый подбородок опускается на сырую соленую гимнастерку. Надо идти. То, что он видел — солдатскую беззаветную работу — об этом надо немедленно же рассказать самим солдатам, —

такая это нечеловечески тяжелая, важная работа.

На ладони, брошенной поверх сумки, уже два, нет — четыре муравья. И, вроде бы даже комариный писк слышно... Не комариный это писк, конечно, — фрицевская «рама» где-то высоко в небе ноет.

Надо идти. Дошагает, напьется студеной воды вдосталь, доложится по команде, присядет в прохладной сосновой тени и напишет обо всем, что жило, трепетало и умирало вокруг него и в нем самом все эти трое суток. Заголовка к этому только сразу не придумаешь. Заголовки бестрепетной рукой будут потом писать историки. Но для репортажа все равно какое-то первое слово требуется... «Их жизнь, деятельность и смерть». Фактически те ребята на правом фланге сто двенадцатого погибли, и надо бы написать именно так, а ведь обязательно напишется: «Их жизнь, деятельность и победа». Победа! Неподалеку от окопчика Трех кособочился и смердил развороченный до самых потайных внутренностей крестовый «фердинанд», почти у самой бровки окопчика около десятка гитлеровцев — кто головой на восток, кто — на запад. И все одинаково убитые. Зряшная смерть: не удержался за гриву, на хвосте не ускачешь.

Значит: «Захаркин, Верушкин и Спичев. Их жизнь, деятельность и...». Нет, не разрешит майор Шульгин написать — «и гибель». Слово это на победной войне слух режет, не в нем все же существо всех миллионных человеческих движений, бияния сердец, миллионов упований. Не в нем.

Надо теперь восстановить в памяти еще раз, хотя это и самое, пожалуй, тяжелое, что можно вменить себе в обязанность. События-то еще все перед глазами, в непросохшей гимнастерке, на шаршавых горьких губах, и этот артналет реактивных, как раз в ту минуту, когда Димка оказался посреди полосы созревающего люпина. Вот встряхнуло. Лежал, пока не откочевало в сторону облако пороховых взрывов, пока не учуял, как по-домашнему свежо, сладковато пахнет люпин — обыкновенная кормовая трава.

Надо идти... Ну, хорошо, ну ладно, еще полторы-две минутки, а тогда он обязательно поднимется. Как тяжелеют веки и гудом гудит в затылке. Это от взрыва реактивных «андрюш» на поспевающих полосках люпина. Да еще ладно, что он успел плюхнуться в глубокую межевую борозду. Вот, опять видится, как наяву: редакционная кухня на гусматиках, вкусный до спазмы в желудке парок над раскрытым котлом. Пшениный кулеш со свиным салом. И эти удивительные харчи полным черпаком раздает не шеф-повар корпусной редакции Алексе-

ич, во всегдашнем засаленном фартуке, а сам редактор газеты майор Шульгин. В белоснежном поварском колпаке.

Опять вздремнулось. От жажды. И еще здорово за эти трое суток гвардии лейтенант Оноприенко проголодался, — ох здорово! Надо идти.

А началось это, — если какие-то в военной фронтовой газете начала бывают, — началось все позавчера. Редакция, все ее отделы и службы, дислоцировалась под одной корабельной сосной, метрах так в пятистах от Вислы и метрах так в ста от оперативного отдела соединения. И белка верещала на персональной редакционной сосне. И любого сотрудника редактор мог вызвать к себе голосом, по-домашнему.

Голосом и позвал майор Шульгин лейтенанта Дмитрия Оноприенко. Позавчера.

— По вашему приказанию, товарищ майор...

Шульгин кивнул.

— Вы когда вернулись из войск?

— Уже... — Димка глянул на часы, — полтора часа, товарищ гвардии майор. Зарисовку из семьдесят шестого саперного сдал.

— Надо быть в войсках... — гвардии майор скучно, задумчиво покушал свои тощие стариковские гусы... — Надо быть в войсках, лейтенант... Такой момент.

— Так точно, товарищ гвардии майор!

— Надо быть в войсках, товарищ

гвардии лейтенант. Придется сбегать в тридцать пятую гвээсдэ. На правом фланге дивизии... э-э... — Шульгин стал медленно разворачивать фронтovou пятисотку.

Он мог бы и не разворачивать ее. Димка только-только вернулся оттуда, из-под самой Грабовской Воли, там стык нашей правофланговой гвардейской с частями первого корпуса Войска Польского. Жарковато там. Он все еще не уступает возвышенные лесочки за Папоротней, Дзецинувом и Адамувом, позади у него рокадная узкоколейная дорога, вот он и стервенеет. Жарковато там.

В кроне редакционной корабельной сосны, прямо над головой ответственного редактора, опять бесстрашно верещит белка. Голодная, наверное...

— Вы меня слушаете? — Повышает голос Шульгин.

— Так точно, товарищ гвардии майор!

— Что ж вы верхоглядством занимаетесь?!

— Белка, товарищ гвардии майор... Небось, голодная...

Редактор вскидывает реденькие, выгоревшие на солнце брови и машет рукой.

— Садись. Вон на ту кочку. Поел?

— Здорово, Петр Михайлович, даже дышать трудновато.

— Продышишься. Отдохнул?

— Даже портянки успел перевернуть, подворотничок перешил.

— Соснул?

— Так ведь...

— Успеешь. Добежишь в войска и там, где-нибудь под кустиком. Я сам часто практикую. Главное — момент не упустить.

Знал уже Димка по своей солдатской офицерской интуиции, по беспроволочному телеграфу на передовой, что не позднее чем завтра утром состоится разведка боем, — разведка немецких тылов за Грабовской Волей: что там они успели поднакопить! К чему готовятся?! А они готовятся.

— Надо идти, Петр Михайлович.

— Надо.

Димка поднялся с моховой кочки, руку к пилотке.

— Разрешите выполнять, товарищ гвардии майор?

Шульгин помедлил.

— Ты там, лейтенант... чтобы материал в завтрашний номер.

— Есть.

— Чтоб голову не совал, куда не просят. Жаловался в политотделе командир сто семнадцатого: «Что это за газетчики пошли! Какой-то лейтенантик оказывается то в разведроте, то на установке минных заградительных, то меня самого на НП чуть ли не плечом теснит от стереотрубы».

— Есть.

— Что?

— Материал в номере. Разрешите выполнять?

* * *

Выполнять начал с кривулинок. Пошел не прямо на свою переправу.

а завернул на армейскую, крюк — километра три-четыре ниже по течению. Тут солидно, хозяйственно пересекали мутную реку железные понтоны: на плацдарм перебрасывалась тяжелая техника, снаряжение, боеприпасы, штабы, потели саперы, да с голоса срывались дежурные офицеры. Плацдарм осваивался накрепко. По обоим берегам реки трудолюбиво ахали, взлетали по копрам дизель — «бабы», заколачивая береговые сваи для наводки наплавных мостов. Действовала походная военная индустрия. Индустрия выпекала хлеб, варила кашу, стирала потное солдатское белье, давала электрический свет в штабные блиндажи и к операционным столам полевых госпиталей.

Вечерело. Багрово-фиолетовые отсветы таяли на взбаломученных речных водах. Посреди песчаного островка, соединенного с восточным побережьем широкой бревенчатой гатью, в редких ивовых кустиках Димка разыскал потрепанную некогдами брезентовую палаточку, со знакомой фанерной дощечкой у входа: «ПМП» — пункт медицинской помощи.

Пункт есть, а медицинского помощника что-то не наблюдается. Досадно. Заглянул еще разок в палатку. Темновато, но слышится будто чье-то дыхание. Может, кто из легкораненых первый сон видит.

— Дима, ты меня выглядываешь?

Это Оля подошла из-за кустиков

так неприметно, неслышно. Маленькая, в солдатской аккуратненькой одежде, личико смуглое, темные бровки взметнулись к вискам, глаза карие, строговатые. Такие лица в древности богомазы на иконах запечатлевали. Только богоматери и все апостольские девы не умели на иконах так мимолетно, так по-сестрински улыбнуться.

Закинула руки за голову, встряхнула мокрыми, коротко стриженными волосами.

— Туда или оттуда?

— Туда.

— И что тебя, не на милость божью, гоняет твой майор? У тебя же пар из ушей...

— Из восьми осталось нас четверо в редакции, Оля... А газета есть газета... — Тут Димка не удержался, повторил всегдашние слова гвардии майора: — Надо быть в войсках, товарищ гвардии санинструктор.

— Смотри-ка ты!.. — Опять строговато усмехнулась Оля и опять тряхнула мокрыми, коротко стриженными волосами. — А я искупалась. Утром «хейнкели» побросали пятисотки, а в том вон заливчике, за кустами, образовался плавательный бассейн. Вода очистилась. Тимофея хотел видеть?

— Живой?

— Только что не румяный. А побриться успел. Комендант переправы отпустил ровно на сорок минут. «Выпись, сказал, всласть, а то после совершенно неизвестно, когда я тебе позволю такую роскошь». —

Оля глянула на часы. — Еще семь минуток осталось, и солнце садится, и как раз «музыканты» припожалуют...

— Это Тимофей в палатке во все завертки?

— О-он... — И улыбнулась, и спохватилась: — Что же я? Надо котелочек с макаронами подогреть, чай заварить... И у меня во фляжке есть еще Люблинский ром!

— Оля...

— Дима, не надо его до срока будить...

— Надо, Оля.

Спящий посреди дня Тимошка? Значит, действительно, укачала человека эта августовская переправа. А никогда бы такого не подумал о старшем лейтенанте Тимофее Черепанове. Толстогубый, медленный на слово, широкоскулый, подбородок и коротковатый нос почти бойцовские, только во всей роже столько доброго здоровья и доброй молодой жизни — завидки берут. Однокашник по горпромучу. Если бы в своем поселке встретились, — обошлись бы всякими мимолетными необязательными словами: «здравствуй-до свиданья», а когда это случилось на переформировке под Сарнами, — ну, знаете! — почти обнялись! «Ты?..» «Я!..» «Ой, ты!» Членораздельные разговоры уже потом и очень постепенно наладились.

Трофим Черепанов месяца три назад закончил военно-инженерное училище и в звании лейтенанта заявился на войну командиром сапер-

ного взвода. Предположительно. Взвода пока для него главное командование не сформировало.

Дмитрий Оноприенко — уже по второму разу из госпиталя, горяченький еще, — тоже звания обыкновенного — лейтенантского. В прошлом недалеко был и зенитчиком, и переводчиком для военнопленных, и отделенным в матушке-пехоте, а о будущих должностях что же говорить: впереди у них был Коваль, Южный Буг, потом вся Польша, потом вся Германия. Весь Гитлер. И там Дмитрия Оноприенко можно будет назначить хоть маршалом.

Оборудовали себе двухместный травяной шалашик. Со всеми удобствами, вплоть до трофейных сальных плошек.

Засветишь такую плошку на коротком срезе пенька, накроешься плащ-палаткой, закинешь ладони за голову и вспоминай, и мечтай... Где-то высоко в ночном небе взывает и взывает вражеский разведчик, приглушенно доносятся голоса из соседних шалашей, — а ты можешь мечтать, а ты можешь вспоминать не такое уж далекое прошлое.

В такую вот, во вторую или третью, безмятежную ночь Трофим Черепанов вдруг приподнялся на локте и спросил:

— Дим, так это же ты в последний предвоенный раскатывал Галинку из трестовского отдела... На редакционном мотоцикле. Помню, как-то к нам на Три-бис привозил

ее. Помню, мы по последней доку- ривали перед нарядом и еще кто-то позавидовал тебе: такими глазами эта русая дивчина смотрела на тебя...

— Отличная машина — ИЖ-7, — отозвался Димка. — Не «Харлей-Давидсон», но все же... Только цепи слабоваты.

— Гм... — Черепанов чего-то не понял, о чем-то, видно, догадался, а потому очень осторожно спросил: — Не пишет?

— Писала.

— Ага. Бывает.

— Утешил.

— Утешать надо? По головке по- гладить?

— У меня первая средневесовая по боксу.

Черепанов дунул на сальный све- тлячок.

— Тогда поспим.

Оля Кукушкина появилась в их жизни — как всегда появляются дев- чата — неожиданно. В одну из но- чей той короткой формировочной недели Трофим Черепанов что-то здорово припозднился. С утра он мучался животом, не принимал его животик кукурузной каши. Сказал Трофим, что добежит в санроту, мо- жет, там есть какое средство против кукурузы. А вернулся за полночь и веселенький. Растолкал Димку.

— Нашлось средство? — спросил тот.

— На-ашлось!.. — При свете коп- тилки добрая скуластая рожа Чере- панова расплылась в широченной

улыбке. — Нонешняя медицина, дол- жон тебе сообщить — это все! Ино- гда даже от смерти и от тоски спа- сает.

— Такое с тобой и стряслось?

— Именно!

— От тоски и смерти? Зараз?

— Отныне и навеки. Сказано в священном писании: «и в смерти своей они не разлучились».

Димка удивился. Если двадцати- трехлетнему офицеру священное пи- сание на ум пало — это неспроста.

— Имя спасительницы вызнал?

— Оля. Глаза!.. Ой!.. Завтра же познакомлю!

— Благодарю, от лица службы.

— И в люди буду ее выводить!

— Человечество тебя не позабудет и ныне и присно и во веки веков.

— Прозаик.

— Аминь.

Черепанов устало, счастливо за- тих в своем шалашном уголке и стал даже вкусно причмокивать. А Димка стал горевать. Конечно, его согласия не требуется на войне ни для самой малой, ни для самой смертной работы. Это так. Но сам- то ты должен знать, что эту работу обязательно выполнишь, будешь вы- полнять, пока дышишь. А тут...

Подполковник в расpredкадрах сказал:

— А, наконец-то... Гляжу по спи- скам на литеру «А». Анаприенко. Нет и нет такого в запасе. У меня уже два напоминания свыше. Обна- руживаю на литеру «О» Оноприен- ко. Обрадовался: тот самый лейте-

чант-пехотинец, зенитчик, переводчик, а по мирному времени — газетчик. Журналист.

— Какой я журналист, товарищ подполковник, — досадливо поморщился Оноприенко. — Без году неделя...

— Не перебивайте.

— Виноват.

— Идите в распоряжение политуправления Армии. Документы в экспедиции.

— Разрешите, товарищ подполковник...

— Да.

— Понимаю: не по-уставному это говорить так... К людям я здесь стал привыкать. Мне бы хотелось...

Подполковник поднял над столиком обе ладони.

— Лейтенант, мне по-уставному хотелось бы побывать этим летом в Железноводске, как гипертонику. В Сочи — Мацеста. Убедительно?

Помыкался еще в ту ночь Димка со всякими своими сомнениями, послушал счастливое почмокивание земляка-сапера, потом засветил плоску-сальник, на листочке написал: «Тима, иду в хозяйство №. Будет случай — свидимся. Поклонись счастливой Оле, выводи ее в люди».

И были, были такие случаи. Встречались на Южном Буге, и в Люблине, а теперь на Висле видятся чуть ли не каждый день уже вторую неделю.

Тимофей сдержал свое торжественное обещание и вывел-таки в люди санинструктора Ольгу Минеевну

Кукушкину. Девчонка на милость божью работала в санбате, потом в санроте, а теперь одна за всех в ответе на «ПМП», посреди песчаного островка, посреди мутной реки, которую старательно обрабатывают дальними снарядами и разнокалиберной авиацией. Более спокойного места не разыщешь на всем земном шаре. Молодец, старший лейтенант Тимофей Черепанов.

Вот он выплывает на четвереньках из глубин санпалатки, припухший от срочного сверхкороткого сна. Распрямляется и предстает перед изумленными войсками распояской, босой (носки и портянки победными штандартами на кустиках колышутся), ворот гимнастерки распахнут от плеча до плеча. Глаза шалые. Промаргивается. И сразу же с тем самым сакраментальным к Димке:

— Туда или оттуда?

— Туда он, — за Димку ответила Оля и споро так раскинула под кустиком скатерть-самобранку. На самый уголок плащ-палатки выставила два плоских котелочка — один с лапшой, другой с всамделишным грузинским чаем. Хлебушко — само собой. И посреди всех этих яств остороженько была положена зачехленная фляжечка.

Черепанов переступил бледными натруженными ступнями в теплом песочке. Он будет готов для предстоящего священнодействия ровно через... только рыльце ополоснет в речке.

— Тимоша, — забеспокоилась

Оля, — тебе сроку дали сорок пять минут, а идет сорок седьмая!

Черепанов вернулся от речки, до которой три метра, уселся на плащ-палатке — ноги по-казахски калачиком и, положив тяжеленную руку на плечо Димки, успокоенно подмигнул санинструктору.

— Сорок пять минут... Сорок седьмая минута! Олюшка, невестам и женам положено говорить только три четверти правды. Если бы я тебе сказал, что меня отпустили на шестьдесят минуток и ты бы меня разбудила тютельница в тютельку, когда бы я на тебя вполглаза насмотрелся. Так что три четверти правды — тоже правда. — Он отвинтил колпачок фляжки, приподнял посудинку. — А теперь, Дима, я тебя должен известить...

— Нет, я!.. — звонко, да таково обиженно вскрикнула Оля. — Я сама должна известить!

Самое позднее послезавтра в приказе Санупра, с одной стороны, и в приказе по шестьдесят четвертой инженерной — с другой, должно быть засвидетельствовано, что санинструктор Ольга Кукушкина и гв. ст. лейтенант Тимофей Черепанов вступили в законный, освященный обычаями государства брак.

— Со всеми вытекающими для

настоящей войны последствиями, — нашелся-таки присовокупить Тимофей.

— Тима!.. — Чуть-чуть упрекнула санинструктор. Старший лейтенант склонил рыжую повинную голову.

А когда Димка понюхал одной ноздрей, другой разверстое горлышко фляги, приподнял ее и сказал: — Оля Черепанова.., — та стремительно кинулась к нему, потом так же стремительно выпрямилась, приподняла подбородок, и плеснул в ее девчоночьих глазах свет всех глаз всех невест и жен этой войны. Страшный это был, беспощадный свет. Наверное, только потому наши армии так беззаветно воевали.

...Трое суток прошло с того вечера. Надо возвращаться, становиться пред усталые очи гвардии майора Шульгина. Возвращаться будет обязательно через армейскую переправу, через песчаный островок. Получили или нет ребята приказы из Санупра и шестьдесят четвертой инженерной? Все последние ночи переправу так нещадно бомбили...

А репортаж свой об окопчике Трех, трех пэтээровцах он назовет категорически: «Захаркин, Верушкин, Спичев. Их жизнь, деятельность и победа».

Надо идти.

* * *

Наступит ночь, и хлынет ливень
Такой, что просто не до сна,
И бросится к окошку лирик,
И физик встанет у окна.
И кто из них поверит в чудо —
Попробуй сразу разберись...
А вспышка молнии — как чувство,
Нет, вспышка молнии — как мысль.
И чувства лирика заполнят,
И он стихи начнет творить:
— Дано: прикуривать от молний.
Эй, небо, дай-ка прикурить!
Поймет, что это утопично,
Мундштук в смущенье пососет...
А физик молнию, как спичку,
Вдруг к папироске поднесет.

* * *

Гляжу, и словно все пригрезилось,
Как будто все обман, мираж...
Шла похоронная процессия
Под трубный заунывный марш.
Плыл гроб нелепой черной лодкой
Без весел, парусов и мачт.
И женский плач звенящий, ломкий
Вплетался в этот скорбный марш.
С рожденья, с первого движенья,
Нас жизнью щедро надела,
Как будто силу притяженья
Нам демонстрирует Земля.
Все беды, радости приема,
Не разлюбив житье-бытье,
Мы все-таки уходим в Землю
По зову тайному ее.
Стою, и нет предела думам.
Да, черт возьми, как ни крути —
Когда бы человек ни умер,
Все кажется: на полпути!

Киселевск,

ГРАМОТА

У грамоты есть висельники в предках.
И на столбах посадских площадей
В десятом веке первым бился в петле
Народ смущавший дерзкий грамотей.

И под ногами потеряв опору,
Вытягиваясь к толпам поселчан,
Ладони и ступни перед позором
Лучинами погасшими качал.

Еще не скоро явится Ульянов...
Но палачи по-своему правы,
Считая внешним признаком смутьяна
Высокую посадку головы!

Тяжелыми минутами прозренья
Кириллицы причудливая вязь
От праздника до праздника успенья
Сплеталась, совершенней становясь.

Сплеталась, набирая силу взрыва —
Россия открывала буквари —
И поднимались сильные и злые,
Все грамотней и строже, бунтари.

...Я буквы на ладонях поднимаю,
В грядущее и прошлое смотрю,
Я словно через время обнимаю
Подвижников, пришедших к Октябрю.

Кемерово

У Н А С В Г О С Т Я Х

ВАСИЛИЙ КАЗАНЦЕВ

Дорога домой

Сначала — долго — пароходом,
Потом — недолго — катерком,
Еще — с попутным вездеходом
И — напоследок — прямым.
Через прозрачный лес пешком,
Через ручей прозрачный — бродом.

Вдали исчезнут, смолкнут плицы,
Уйдет, загложнет шорох шин.
Внезапно, хором грянут птицы
Среди тишей из лощин.

С ветвей тяжелым грузом свесясь,
Их пригибая до земли,
Как гром весенний, рухнет свежесть
На плечи зябкие мои.

И окажусь так близко к счастью,
С самой судьбой наедине.
И растворюсь. И стану частью
Травы, воды, песка на дне.

СЕРГЕЙ ЗАПЛАВНЫЙ

* * *

Откуда взялся — не сказался,
Но только полчаса подряд
В окно стучался — не стеснялся
Веселый град.
Как соловей-разбойник щелкал,
Во что ударить — точно знал...
Цветы, смеясь, с газонов дергал,
Котов дерущихся разнял.
Прибил траву гнездом и с ходу
Гнездо наполнил до краев.
Погнал взбесившуюся воду,
Как стадо плачущих коров.
Он хулиганил по июлю,
Пыхтел в трубе, как домовой.
И плавилась ледышки-пули
Послушно за моей щекой.
Град вытеснял домашний запах
С проспектов в комнаты — назад!
А под окном на задних лапах
Плясал щенок,
Глотая град.

ВАЛЕРИЙ СЕРДЮК

Робот

И слепили люди Робота
По подобию своему.
Этот Робот был безропотным,
Равнодушным ко всему,
Делал все, что ни приказано,
А на пользу ли, во вред —

Не задумался ни разу он,
Потому: приказа нет.
И жилось ему нехлопотно,
Электронному уму.
А лепили люди Робота
По подобию своему.

П О Э Т Ы Т О М С К А

СТАНИСЛАВ ФЕДОТОВ

* * *

Только вспомню —
в асфальт врасту.
Мысли, как хворостинки, ломки.
Переливчатый блеск Мрас-су.
Угловатая строгость лодки.
Я к моторному гулу привык,
даже слышу:
ласково кличет
на болото свое кулик
длинноносых девиц-куличек.
И, сгибаясь, звенит лоза.
И туман царапает бортик...
Городские мои глаза
отдыхают,
как на курорте.
Разудалый размах лесов...
Небо выгнувшие увалы...
Я забросить к чертям готов
асфальтированные бульвары...
Но в шуршанье таежных игл
вдруг услышу совсем не удаль:
— Человек
из-под ног моих
скоро выбьет руду и уголь.
Дымку легкую вдоль реки
грузный дым
равнодушно сменит.
Улетят
навсегда

кулики,
как ушли
навсегда
таймени.
Кто же может мне пособить!?.
Ах, тайга,
понимаешь,
людям
о красотах легко забыть
в перспективных проблемах буден.
Каждый миг у нас на счету!..
Но,
понятно,
тебе не легче,
что израненную красоту
мы потом,
спохватившись,
лечим.
А спохватимся мы когда? —
Откровенно, —
не знаю даже.
Но боюсь я:
через года
нам спасибо никто не скажет.
И вину я в душе несу.
Виноватый мой взгляд короткий.
Безутешно вздыхает Мрас-су
под шершавой ладонью лодки.

Литературное объединение Новокузнецка — одно из старейших в Кузбассе. Именно здесь получили первое свое крещение Евгений Буравлев, Владимир Сапожников, Александр Пинаев, Владимир Матвеев и другие поэты и писатели, чьи имена теперь известны не только кузбасскому, но и всесоюзному читателю.

Сейчас в этом объединении занимается новая творческая молодежь, пробующая свои силы в поэзии и прозе. Мы предлагаем читателю стихи самых молодых участников литобъединения г. Новокузнецка.

* * *

Мы горизонт кромсали колесом.
О чем-то с ветром говорили спицы.
И выкристаллизовывалась соль,
И выкристаллизовывались лица.

Теперь сижу в двухкомнатной квартире,
Чернилами и табаком пропах.
Но до сих пор простор моей России
Горчит полынью на моих губах.

* * *

Ты лучше ничего не говори,
Во мне сейчас
так правильно и чисто.
Я в этом городе оставил буквари,
Я здесь усвоил школу первых истин.
Тебе, наверно, это не понять.
Сошла с такси, пересчитала сдачу.
Я здесь когда-то невзлюбил удачу.
Но и она любила не меня.
Ты лучше ничего не говори,
Во мне сейчас так правильно и чисто.
Я в этом городе оставил буквари,
Я здесь усвоил школу верных истин.

* * *

Горят деревья в городском саду.
Они горят повзводно и поротно.
И ни в одной аллее на беду
Пожарников не видно расторопных.
Пожары беспощадны,

говорят,

И, как пожар,
к нам подступает осень,
деревья молча

и безропотно горят,
и ни одно пощады не попросит.
О, как им жарко,

рыжим головам!
Бездонно небо синее в просветах.
И тихо листья падают к ногам,
как будто угли с обгоревших веток.
— Они сгорят.

Ты уходи скорей! —
Осенний ветер,
гулко бьется в ставни...
А им, деревьям, суждено

сгореть.

Ну как я их
в беде одних
оставлю?

ОБЛАКА

Подо мной — протоптанная трасса.
С высоты немыслимой такой
И упасть, мне кажется, не страшно
на перину белых облаков.
А внизу — садов знакомый шорох
и прибои звонкие в морях...
Я смотрю туда заворуженно —
там планета лучшая моя.
Где-то там, внизу, бушует зелень,
где-то снег, как пена молока....
Я стремлюсь туда, назад, на землю,
чтоб опять смотреть на облака.

Спасибо, мой принц,
За капельку солнышка,
Спасибо
За туфельку маленькой Золушки,
Что мне так мала,
О которой мечтала,
Когда еще ножкой под партой качала...

Теперь я из туфельки выросла.
Жалость...
И сказка лишь в старом чулане осталась
Да в капельке солнышка,
Смытой дождем...

Мой принц, —
Одуванчик,
Грустит
Ни о чем.

ТИШИНА

Восклицали поэты: «Давайте бурю и гром!»
Тишину зачеркнули маститым пером.
На весь мир я б хотела делить тишину.
Чтоб никто,

никогда

не ушел

на войну.

Ах, как много надо земле тишины!
Собираю оттенки разные,
Только людям все мало,
Снятся им сны,
Может, странные и напрасные...
Я дарю тишину!
Каждому, каждому!
Синюю, спелую, влажную.
И хорошую, добрую тишину
На весь мир я без усталости в поле жну...
А тебе?
Ну какую тебе тишину?
— Вот, осталась лишь та,
Что расцветкой в луну.

Рейнгольд Генрихович Берг — ровесник Октября. В конце 1967 г. общественность Кузбасса отметила его пятидесятилетие.

Еще в раннем детстве у мальчика проявились способности к рисованию. После семилетки он учится в двухгодичной художественной студии у известного художника Я. Я. Вебера. В 1938 г. заканчивает Саратовское художественное училище и преподает в школе рисование и черчение. Затем — служба в рядах Советской армии, фронт, тяжелое ранение при обороне Смоленска. В 1942 г. Р. Г. Берг приезжает в Кузбасс, работает художником-воспитателем Колыонского детского дома, художником в мастерской Кемеровского горпромторга.

В 1947 г. в Кемерове организовалось товарищество «Художник». Тогда же была проведена первая выставка работ кемеровских художников, в которой принял участие и Р. Г. Берг. Впоследствии его работы экспонировались на многочисленных областных, республиканских и всесоюзных выставках.

Р. Г. Берг отдает предпочтение графике, но не пренебрегает и живописью. Многие его линогравюры публиковались в журнале «Художник», в газетах «Советская культура», «Комсомольская правда» и других изданиях.

Немало времени Р. Г. Берг отдает иллюстрациям книг, выпускаемых Кемеровским книжным издательством. За художественное оформление книги очерков Евг. Буравлева и О. Павловского «Миллион влюбленных» он награжден дипломом Министерства культуры СССР.

С 1967 г. Р. Г. Берг — председатель Кемеровского отделения Союза художников РСФСР.

ДОРОГА НА ШАХТУ. Линогравюра,
1961

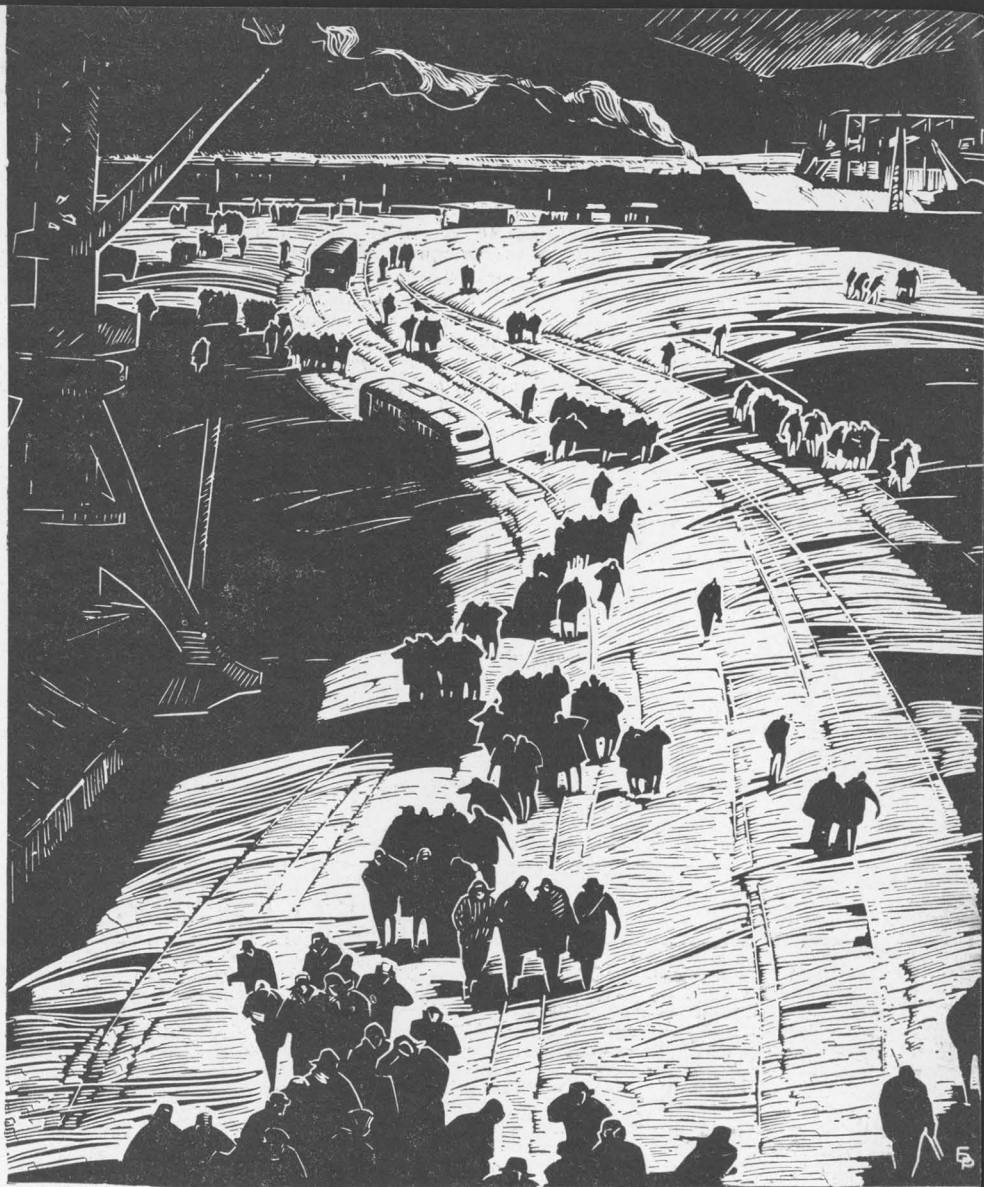

КОНЕЦ РАБОЧЕГО
ДНЯ. Линогравюра
1967

ПЕРЕД ОТКРЫТИЕМ
КАФЕ. Линогравюра
1963

УТРО НА ЗАПСИБЕ. Линогравюра, 1963

В ЗАБОЕ. Линогравюра, 1967

СОН. Линогравюра, 1964

В СТРАНЕ ЛУННОГО ГОДА

Галина Лебедева

Есть люди, которые думают, что Восток — это жаркое солнце и полуголый, изнывающий от зноя народ. Скептики и «знатоки» утверждают, что Восток — это нищий и грязный край, населенный дикарями. Истинное представление о Востоке вы можете получить, прочитав вот эти нехитрые строчки из старой студенческой песни:

Восток чудесный, солнечный край,
Там был когда-то истинный рай.
Шахерезада в этом краю
Не раз слагала песню свою.
Теперь Восток совсем уж не тот,
И в нем господство западных мод.
И если ты имеешь жену,
То ты имеешь только одну...

Да, султаны и гаремы ушли в прошлое, а слонов и обезьян вытеснили автомобили и кинематограф. Правда, моему коллеге посчастливилось наблюдать шествие обезьян, но это было в Гане, а моя знакомая ухитрилась сфотографироваться на слоне, но это было в Индии. Я же для экзотического снимка располагала только ослами и верблюдами. И все же экзотика была. Она была в причудливых очертаниях гор, в строгих силуэтах гробниц и мечетей, в одежде, в поведении людей, в их занятиях и привычках.

Разве не удивительно увидеть на базаре корзину с воробьями? Воробьи продаются на вес, как яблоки и сливы.

— Муаллим-сейб (госпожа учительница), неужели Вы никогда не ели воробьев?! Это замечательное кушанье. Нужно обмазать воробья глиной, положить в горячую золу и через полчаса у вас будет отличное жаркое.

Приходилось ли вам есть длинные-длинные огурцы «секу-тара», которыми можно обмотаться, как канатом? Пробовали ли вы сладкий лимон и сахарный тростник? Наконец, знаете ли вы что-нибудь о нашем южном соседе — Афганистане?

Мое знакомство с этой страной началось давно. Почти двенадцать лет назад я уехала из Кузбасса в город белых ночей Ленинград, чтобы там, в университете им. А. А. Жданова, начать изучать Восток. Из многих стран среднего Востока я выбрала Афганистан. Возможно потому, что не знала о нем ровным счетом ничего.

Прошли годы, я и шесть моих товарищей выучили афганские языки — дари и пушту, познакомились с историей страны и ее ближайшими соседями — Ираном и Индией. Замечательная школа ленинградских ученых дала нам и основательные филологические знания.

Ученые и путешественники разных стран мира заинтересовались Афганистаном еще в начале прошлого столетия. То, что удавалось узнать, они записывали и сообщали читателям. Так выполнялась одна из главных обязанностей человека: узнал сам — расскажи другим. Первым, кто открыл Афганистан европейцам, по праву считается русский академик Дорн. С него начинается история русской и европейской афганистики. Другие известные исследователи Востока оставили много интересных данных об Афганистане и его народе. Но не об этом я хочу рассказать.

Мне, ученице известных советских востоковедов, пришлось побывать в Афганистане и своими глазами увидеть многое из того, о чем писалось в книгах. Более того, по роду своей деятельности в Кабуле, столице Афганистана, я сталкивалась с людьми всевозможных профессий, возрастов и национальностей. Встречи и разговоры с афганцами помогли мне составить свое личное представление о современном Афганистане, его культуре и

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАЩАТЬСЯ...

общественной жизни. Кое-какими впечатлениями и выводами мне хотелось бы поделиться с моими земляками. Быть может, кому-либо из читателей приходилось слышать слово «Арьяна». Такое название носит афганская авиакомпания, так некоторые из афганцев хотят переименовать свою страну. «Арьяна» значит «страна арийцев».

Свыше пяти тысяч лет тому назад территорию нынешнего Афганистана заселяли племена арья, арийцы, родоначальники многих индо-европейских народов. Достижения современной археологии дают возможность сказать, что на территории Афганистана обнаружены остатки самых древнейших поселений человека. Это позволило некоторым афганским «патриотам» высказывать мысли о превосходстве афганцев над другими народами, считать Афганистан «колыбелью мировой цивилизации». К счастью, подобные настроения не приняли форму национального шовинизма, как это случилось в свое время в одном из европейских государств.

В местечке Бамаиан, недалеко от Кабула, можно видеть огромные пещеры высотой до шестидесяти метров со статуями Будды внутри. Это культовые остатки одной из древнейших религий Афганистана — буддизма. До сих пор археологи находят в земле афганцев статуэтки, совмещающие в себе элементы греческой и индийской скульптуры. Это свидетельства знаменитой греко-бактрийской культуры развивавшейся в Афганистане с приходом туда Александра Македонского. Массивная арка с резным орнаментом неподалеку от города Лашкаргаха — памятник тысячелетней давности, относящийся к началу арабского господства в Афганистане.

Афганистан пережил иго многих завоевателей. Александр Македонский, арабы, персы, Чингиз-хан, хромой Тимур — одни завоеватели сменялись другими, менялись порядки и религии, разрушались и строились города, создавались княжества и целые государства, но афганский народ жил, сохраняя свой язык и национальную культуру. В новое время на смену старым завоевателям пришли колонизаторы. Три войны с англичанами выдержал афганский народ и вышел победителем. В 1919 г. Афганистан был объявлен независимым суверенным государством. Первой страной, признавшей свободу Афганистана, был Советский Союз.

Современный Афганистан относится к числу так называемых развивающихся государств. Их еще называют слаборазвитыми. Афганистан недавнего прошлого — это страна скотоводов и земледельцев, Афганистан настоящего — страна с растущей промышленностью, строящейся сетью дорог и электростанций. Дороги и электростанции — основная база для дальнейшего развития экономики Афганистана, строятся при помощи иностранных специалистов, в числе которых находятся и наши советские инженеры и рабочие. Афганцы с благодарностью принимают помощь и Советского Союза, и капиталистических государств, не оказывая предпочтения кому-либо. Такая позиция Афганистана понятна и вполне оправдана. Нейтралитет — это политика афганского правительства, и она остается неизменной все сорок девять лет существования независимого государства. Мне, как афганисту по образованию, было необычайно интересно в Афганистане. Однако, помимо специального интереса к стране и ее народу, я имела свой рабочий интерес и долг, если хотите. Мне предстояло не только научить афганцев говорить по-русски, но и постараться привить любовь к нашей стране и нашему народу, вселить уважение к мировой науке и культуре. Ведь, чего греха таить, многие из них даже не слышали имен Пушкина и Гоголя, Шекспира и Гете, Эйнштейна и Циолковского. Знакомить их с этими именами приходилось осторожно и тактично, ибо афганцы — народ гордый и упрямый, не терпящий малейшего намека на несовершенство своих познаний.

Моя роль была похожа на роль миссионера, с той лишь разницей, что я пыталась привить своей пастве любовь к свету и знаниям, а не ко всевышнему. Кстати, о миссионерах: часто приходилось мне видеть суровых дев — велосипедисток в длинных, мрачного цвета платьях, с огромным крестом на груди и четками в руках. Монахини из Америки. Они наверняка проповедуют не то, что я. Другие посланцы США — «мальчики Кеннеди», составляющие известный «корпус мира». Их было много, и все они великолепно играли в футбол и баскетбол, отлично ездили на велосипедах и азартно щелкали фотоаппаратами и жужжали кинокамерами. Эти юноши активно проповедовали американский образ жизни и заодно делали свой бизнес.

Иностранцы на улицах Кабула — не редкость. Здесь можно увидеть русских и американцев, немцев и французоз, чехов и болгар. Но пожалуй больше всего — индийцев. Нет одежды красивее индийского сари. Даже полную женщину оно делает изящной и стройной. Индийские дамы предпочитают нежнейшие розовые, сиреневые и небесно-голубые тона. Изыщная походка вырабатывается с детства. Пакистанские женщины, в отличие от своих соседок, носят узкие шаровары и такого же цвета узкие платья до колен. Если вы попытаетесь в таком наряде деловито зашагать куда-либо, у вас ничего не выйдет.

Индийцы составляют значительный процент населения Кабула. Они заняты продажей тканей и успешно конкурируют с национальной мануфактурной компанией. Ткани афганец расходует много. Только на одну чалму требуется пятьдесят метров отличного шелка или нейлона. Жители столицы вместо чалмы предпочитают носить узенькую каракулевую шапочку «каракули». Одно время общественность Афганистана, изыскивая средства для подъема национальной экономики и доходов государства, предложила афганцам снять с головы каракуль, а взамен подыскать новый, менее ценный головной убор. Предложение не вызвало воодушевления. Афганцы до сих пор надевают «каракули» в жару и в холод.

Многие афганские женщины до сих пор носят чадру. Первое время по утрам из окна гостиницы я часто наблюдала за улицей. Окно выходило как раз на перекресток. Сверху женские фигуры в темных чадрах казались таинственными существами. Между прочим, хорошая чадра — свидетельство благосостояния афганцев. У богатых женщин этот своеобразный мешок сделан из тонкого плиссированного шелка, праздничная чадра отличается яркостью цвета и богатством вышивки. У городских женщин из-под чадры видны ноги, обутые в модные туфли на высоких каблучках, у деревенских женщин — широкие шаровары одного цвета с чадрой и расшитые чужаки с загнутыми носами. Женщины в чадрах не любят, когда иностранцы фотографируют их. Мне повезло — одна молодая особа оказалась очень кокетливой и с удовольствием позировала перед объективом.

Однажды в автобусе какая-то «сердобольная» афганка прикрыла мои голые

по локоть руки подолом своей чадры, пробормотав при этом: «Стыд-то какой!» А рядом женщина с закрытым лицом и голой грудью спокойно кормила ребенка. Как видите, понятия о стыде довольно своеобразные.

Не все женщины Афганистана надевают на голову традиционную чадру. Несколько лет назад король в специальном указе призвал соотечественниц снять чадру — позорный пережиток феодального прошлого. Ее Величество королева Афганистана была первой в стране женщиной, снявшей этот наряд. Ее примеру последовали многие, и сейчас большинство афганок в столице ходит с открытым лицом. Но... не все делается сразу. Обязательная принадлежность женского туалета в любое время года, в том числе и жаркие летние дни, — чулки, перчатки, легкое пальто и косынка. Нам также приходилось, дабы не привлекать всеобщего внимания к себе и не вызывать неодобрительных взглядов, приспосабливаться к привычкам местного населения.

Некоторые трудности испытывали наши преподаватели физического воспитания, приглашенные работать в афганских школах. Очень трудно было заставить девочек надеть спортивную форму для занятий и расстаться с косынками. Первое спортивное выступление школьников на стадионе в Кабуле вызвало бурю негодования в среде религиозных родителей и духовенства. Многим школьницам по настоянию родителей пришлось отказаться от занятий спортом. Но, преодолевая эти и другие препятствия, наши преподаватели добились заметных успехов, и через несколько лет после первого выступления на центральном стадионе состоялся спортивный парад школьников и студентов Кабула, подготовленный нашими специалистами. Король публично поблагодарил советских учителей и вручил им памятные медали.

— Муаллим-сейб, правда, что в Советском Союзе нет церквей и мечетей и негде молиться?

— Да что Вы, Мухтар, кто сказал Вам такую чушь? Есть у нас и мечети, и церкви. Например, в Ленинграде мечеть красивее вашей.

Мухтар смотрит с уважением и одобрительно щелкает языком. Сплюнув зеленую жвачку (табак «насар»), Мухтар продолжает:

Многие афганские женщины до сих пор носят чадру

— А правда, что Вы кафир (безбожник)?

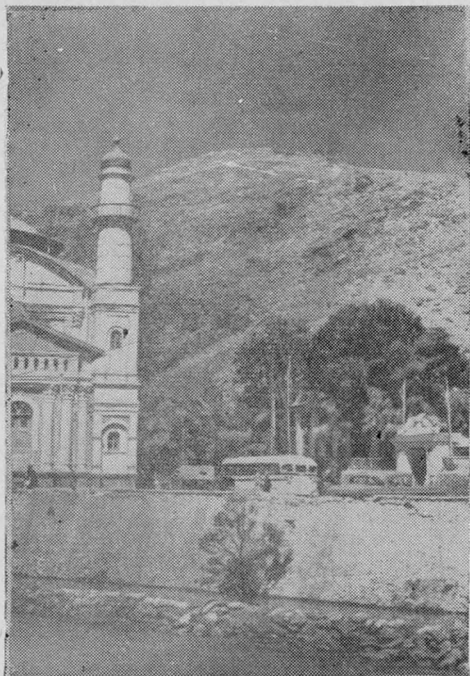
— Кафир, кафир, — соглашаюсь я, — но собираюсь стать мусульманкой, как только узнаю все про вашу религию, и она окажется самой справедливой. Как часто приходилось слышать за спиной «кафир», «кафир»! Но злость и ненависть к «неверным» осталась только у стариков-фанатиков.

Чтобы стать мусульманкой, утверждали мои ученики, достаточно произнести фразу «Нет бога кроме аллаха и Мухаммед — его пророк». Я произносила это и прикладывала руки к сердцу, но — безуспешно. Надо было сердцем принять смысл фразы и поверить в нее. Вот это было самое невыполнимое. Между прочим, в осторожных беседах о религии мне удалось выяснить, что бог (аллах) в уме современного интеллигентного афганца — очень сложное и обширное понятие. Простолудин даже не задумывается над смыслом слова «бог» (бог — и все!), интеллигент же подразумевает под этим силы природы, закономерности бытия, взаимосвязь явлений, начало всего сущего и будущего — как видите, весь

ма сложное философское представление о божественной субстанции.

Религия более всего удерживается в обрядах и обычаях. Афганцы — сунниты, и у них нет, как у иранских мусульман, шиитов, дня памяти Хасана и Хусейна, когда религиозные фанатики, в солидарность с мучениями святых, публично истязают себя цепями и кинжалами. Правда, по свидетельствам очевидцев, сейчас этот обряд и там превратился в традиционную пантомиму, где «святые» — артисты — истязают себя деревянными ножами и проливают вместо крови крашеную воду. Подобного обряда в Афганистане нет. Зато можно целый месяц наблюдать мучения постящихся мусульман. Руза или ружа (пост) бывает в зимнем месяце рамазане, когда на небосклоне не видно луны. Афганцы, как и прочие мусульмане, живут по лунному календарю и все свои праздники приурочивают к определенным положениям лунного диска. Начало и конец поста торжественно объявляется муллами по высочайшему распоряжению центрального духовенства.

Во время поста истинный мусульманин

Мечеть Шахи-Ду-шамшира в Кабуле

не должен есть и пить, ему не разрешается курить и даже проглатывать слюну, чтобы не осквернить нутро свое. Лишь в пять часов вечера мусульманин имеет право разговесться, чтобы ранним утром снова приступить к тяжелой повинности. Больные и дети могут не соблюдать пост. От обязанности поста освобожден также король, потому что ослабление королевского организма может отразиться на состоянии государственных дел.

Прав постящихся мусульман меняется, они становятся раздражительными или, наоборот, вялыми. Порой бывало жаль какого-либо здорового мужчину огромного роста, у которого с утра до вечера не бывает крошки хлеба во рту. Особенно жаль было курильщиков.

— Что делать, муаллим-сейб, — нельзя, — разводили они руками.

Настоящий мусульманин должен молиться несколько раз в день и совершать

омовение. Если нет воды поблизости, достаточно «омыть» руки и лицо песком или землей. Молящийся подстилает коврики под ноги и на несколько минут уходит из грешного мира, вступая в беседу с богом и выполняя при этом ряд незатейливых физических упражнений. Надо сказать, что в обычае так молиться есть свой плюс. Религиозный долг обязывает каждого мусульманина выполнять ежедневно физические упражнения. Всю жизнь, каждый день, через каждые три часа. Может быть, поэтому среди афганцев трудно найти человека с большим животом и толстым загривком.

Приближается час молитвы, и даже полицейский-регулирующий сходит на обочину, становится лицом к Мекке (на запад), поворачивает фуражку козырьком назад, чтобы удобнее бить поклоны, складывает руки в молитве — и на некоторое время шоссе предоставлено самому себе. Мчатся автомобили, норовя сшибить прохожих или наскочить на фонарный столб, между ними лавируют велосипеды. Что бы ни случилось в этот момент на шоссе, полицейский глух и нем.

За городом есть множество могил безвестных святых. Их отличают длинные шести с привязанными лоскутками материи. Сюда приходят на поклонение верующие. Могилы особенно уважаемых святых разукрашены, как новогодние елки. Каждая привязанная тряпочка — это чье-то желание и мечта, чья-то просьба ко всевышнему. Почти все иностранцы проходят мимо решетки возле мечети на главной улице Кабула, но из них мало кто знает, что полуистлевшие старые и новые лоскутки на решетке — это немые просьбы мусульманок подарить им сыновей. Никто не видел, когда они ухитряются привязывать эти лоскутки. Однажды мне было позволено прицепить свой платок к иссохшему дереву на могиле святого, дабы исполнилось мое сокровенное желание. Я благоговейно повязала платок, мои спутники одобрительно кивали головами, и лишь один прятал в усы ухмылку.

Сразу после рамазана начинается праздник Ахтар. Мужчины и женщины надевают новые одежды, ребятишкам дарят обязательные праздничные подарки, называют на руки новые браслеты, кра-

сят усмой брови и глаза. Нарядные дети и их родители отправляются в гости к родственникам.

В этот день совершается и обряд жертвоприношения. Афганцы режут барана, козу, козленка или просто курицу — в зависимости от достатка. «Неверным» ни в коем случае не разрешается присутствовать при обряде. Рассказывают, что в один из таких праздников фанатиком была убита молодая француженка, рискувшая подсмотреть обряд жертвоприношения. Это могло случиться на самом деле, но совсем не потому, что в афганце проснулся вдруг дух разбоя и жажда человеческой крови. Девушка своим присутствием осквернила таинство обряда, ведь всякое принесенное в жертву животное — это тот «транспорт», на котором мусульманин после своей смерти отправится в рай. А кому охота идти туда пешком?

Ранней весной, в середине марта, афганцы празднуют Новый год. Этот праздник связан с пробуждением природы, цветением деревьев и началом полевых работ. Королю предоставляется право

провести первую борозду в поле. В этот день устраиваются массовые гулянья, спортивные игры, а за городом проводится своеобразный смотр достижений сельского хозяйства — лучших земледельцев и животноводов награждают или премируют ценными подарками.

Но самый любимый праздник афганцев — День Независимости. В 1969 году исполняется пятьдесят лет независимому Афганистану. Полвека пройдет с тех пор, как в горах Афганистана смолкли выстрелы отважных стрелков, уничтоживших сотни англичан в боях за свободу Родины.

О событиях двух минувших англо-афганских войн напоминает обелиск Независимости и памятник в честь битвы при Майванеде. День Независимости отмечает весь народ Афганистана. Издалека приходят в столицу празднично одетые пуштуны — жители горных селений, и даже кочевники покидают свои становища, чтобы поглядеть на городские торжества и главное развлечение — фейерверк.

Фейерверк устраивают поздно вечером на большом загородном лугу. Мне никогда не приходилось видеть иллюминации и фейерверка красивее кабульских. Особенно приятно смотреть фейерверк с

Цирюльник на улице — обычное явление в Афганистане

холма, возвышающегося надо всем городом. На этом холме стоит мавзолей Надир-шаха, отца правящего короля Афганистана.

На второй день праздника афганцы и гости могут посмотреть многочисленные спортивные зрелища. Особенно привлекает национальная конно-спортивная игра «найза задан» (метание копыя) и знаменитое «бузкаши» (козлодрание). Если вы были в Афганистане и не видели «бузкаши», вы ничего не видели. Вот почему я с товарищами ранним августовским утром отправилась посмотреть это великолепное и дикое зрелище. Представьте себе массу народа,двигающегося к одной цели. Мужчины в чалмах и «каракули», в длинных рубахах и широких шароварах, женщины в мрачных чадрах, напоминающие горных воронов с распростертыми крыльями, дети, босые и обутые, на плечах у родителей (иначе бы их раздавила толпа). Машины выстроились в длинные ряды и не двигаются — настолько много пешех. Живая масса увлекает вас за город, проносит мимо древних развалин старой крепостной стены и впикивает в долину; уже заполненные народом и велосипед. Люди усыпали склоны холмов, встали на кузова автомашин, окружили со всех сторон игровое поле. Прибавьте к этому пятидесятиградусную жару, пыль и отсутствие привычных нам киосков с газированной водой. Однако игра стоит свеч.

Свисток судьи — и забываешь все: жару, жажду, настолько захватывает зрелище. Не знаю, какой болельщик более активен — при игре в футбол или при козлодрании. Если на футболе болеешь за голы, то тут приходится болеть за человеческие жизни. Жертвы, правда, бывают не так уж часто, но опасность велика, ибо азарт конных игроков, стремящихся отобрать друг у друга тушу козла или теленка (отсюда название игры) и принести ее в центр поля, не знает предела. К концу игры туша превращается в бифштекс, лошади в мыле, а игроки — полыхающий огонь.

Переходящий кубок победителю вручает председатель олимпийского комитета, а иногда и сам король.

Дважды мне удалось проехать по горной дороге Кабул—Джелалабад, в сторону границы с Пакистаном. Дорога, постро-

енная с помощью немецких специалистов, поднимается на высоту пяти с лишним тысяч метров. Пересекая горный хребет, она образует несколько ярусов, туннелями прорезает скалы и спускается в великолепную по красоте и климату долину. Весна сюда приходит в феврале, здесь рано цветет миндаль, рано созревают персики и гранаты, здесь есть диковинные растения, неизвестные в Кабульской долине. Здесь есть даже пальмы и обезьяны. Пальмы сохранились на острове посреди огромного водохранилища, а обезьян водят на цепочках бродячие актеры. С обезьянами лучше не связываться — они злобны и капризны.

В Джелалабаде я наблюдала, как вручную обрабатывают мрамор, которого, кстати сказать, в Афганистане много. Ученики подарили мне кусочек лазурита — красивого голубого камня с золотыми прожилками. К сожалению, добыча и обработка полудрагоценных камней и мрамора находится в зачаточном состоянии.

Недавно в горах Памира было найдено золото. Рассказывают, что когда королю показали кусок местного, афганского золота, он расплакался и сказал:

— Ну, теперь и мы богатые!

Быть может, этого и не было на самом деле. Но, действительно, в недрах Афганистана лежат несметные сокровища, ждущие своего хозяина. Недавно на севере страны обнаружены обширные запасы газа, достать который из-под земли помогают афганцам советские специалисты. До сих пор величайшую ценность представляет лес. Лесом богата только одна провинция — Пактия. Остальная часть страны топит печи фруктовыми деревьями и комками из глины, смешанной с угольной пылью.

В стране, где время отстало на шесть с лишним веков (согласно лунному календарю, в Афганистане сейчас 1346 г.), происходят большие социально-экономические преобразования. С помощью иностранных государств и, в частности, Советского Союза начинают развиваться промышленность Афганистана, ликвидируется бездорожье, ведутся ирригационные работы, строятся заводы и электростанции.

В феврале 1964 года был введен в строй Джелалабадский оросительный канал. Скоро вступит в эксплуатацию крупнейшая электростанция Афганистана Наглу, сооружаемая советскими спе-

циалистами в местечке Сароби неподалеку от Джелалабада. С группой советских туристов я поднималась на самый верх бетонной плотины. Воды в котловане не было, могучая горная река была втиснута в специально построенный для нее туннель. Пройдет немного времени, и мощная электростанция даст первый ток.

Подлинным событием в жизни афганского народа явилось открытие автомагистрали Кушка—Герат—Кандагар, соединившей между собой север, запад и юго-восток страны. Дорога строилась в сложнейших климатических условиях и была сдана раньше срока. Ее строили афганские рабочие — вчерашние дехкане — вместе с советскими инженерами и техниками.

В своей речи, произнесенной с трибуны Кабульского стадиона в конце 1963 года, Л. И. Брежнев сравнил дружбу Советского Союза и Афганистана с сияющими снегами на вершинах гор — она так же чиста и красива. Афганцы внимательно слушали Л. И. Брежнева и тогдашнего премьер-министра Афганистана Мухаммеда Юсуфа. С трибуны для гостей футбольное поле казалось морем из голов в чалмах и каракулевыми шапками. Кое-где над головами собравшихся поднимались руки с... чем бы вы думали? С учебниками русского языка! Знакомая голубенькая книжка с арабскими буквами-завитушками на обложке. До глубины души тронуло нас, учителей, такое наивное признание: — Смотрите, русские! Мы знаем о вас и хотим знать больше. Для того и учим ваш язык!

Русский язык хотят учить многие афганцы. Для желающих организованы курсы при Министерстве просвещения Афганистана и при Обществе афгано-советской дружбы. Помимо этого на всех стройках, где есть русские специалисты, на заводах столицы, которыми руководят советские инженеры, стихийно возникают группы и кружки по изучению русского языка. Надо сказать, что афганцы хорошо усваивают язык и при желании могут быстро научиться разговорной речи и приобрести навыки перевода. Полтора года назад в Кабуле было начато строительство политехнического института, в котором преподавание всех дисциплин предполагают вести на русском языке. Это знаменательный факт в истории дружбы двух народов. За последние три года в общественной

А это уличный торговец

жизни Афганистана произошли существенные изменения. До 1965 года в стране не было ни одной политической партии или общественной группировки. Согласно новой конституции, афганцы могут иметь (и они уже имеют) несколько партий. Разработаны законопроекты о печати и выборах. Я оказалась свидетельницей первых в истории Афганистана политических выборов и предшествующей им кампании, первой в истории Афганистана политической демонстрации студентов.

Да, последнее время общественная жизнь страны развивается бурными темпами. Афганцы начинают серьезно задумываться о дальнейшей судьбе Родины, некоторые из них настроены явно критически к новым, якобы демократическим формам правления. Что ж, будущее покажет, насколько сильны такие настроения в афганском обществе. Как все народы на земле, афганцы очень поэтичны. Современная поэзия уходит своими корнями в великолепную поэзию

классиков Мирза-хана, Рахмана-баба, Хушхаль-хана, Казим-хана и других. Монарх гордится царской казною, Влюбленные — ланитами красавиц, — это — начало известной и любимой песни афганцев. Автор ее — поэт XVII века Рахман-баба. «Рыцарем времени» называл себя другой крупный поэт этого же периода Хушхаль-хан. Он был не только известным стихотворцем, но и предводителем крупнейшего восстания афганских племен против ига Великих Моголов — потомков Тамерлана. Стихи этих двух выдающихся афганских поэтов положены на музыку, исполняются по радио, на концертах и на улицах, популярность их не уступает популярности народных песен.

Надолго запоминаются мелодии и ритмы афганцев. Я наблюдала всемирно известный национальный танец «атан», который каждый афганец и каждая афганка умеют танцевать с детства. Я слушала грустные напевы «ная» (тростниковой флейты), мерный гул «доля» (большого барабана), песни классических поэтов и современных композиторов. В настоящее время в среде афганской молодежи распространено увлечение современной джазовой музыкой, создаются самодеятельные эстрадные коллективы, многие из которых пользуются большой популярностью. Если вам придется когда-нибудь услышать по радио афганский джаз, обратите внимание на прелестное

сочетание в музыке восточных мелодий и современных западных ритмов.

Афганцы любят цветы. Весной, когда в горах расцветают тюльпаны, улицы Кабула наполняются торговцами с корзинами цветов на головах. Однажды теплым апрельским вечером, вернувшись домой с работы, я увидела на окне огромный букет свежих, пахнущих дождем горных тюльпанов. Оказалось, что цветы подарены не мне, а «товарищу Ленину». Этот апрельский день был днем рождения нашего вождя. Право, я была тронута до глубины сердца.

Но... в гостях хорошо, а дома лучше. Два с половиной года, проведенные в гостях у хорошего, но все же чужого народа, дали массу впечатлений, заставили о многом подумать и оценить наши домашние дела со стороны. Мне кажется, однажды я заболела ностальгией, тоской по Родине, по ее воздуху, пахучей земле, травам. В первый раз я ощутила это, когда в ночной тиши вдруг услышала Чайковского. Во второй раз затосковать по России заставили меня журавли. Обыкновенные журавли. Они летели три ночи подряд. В воздухе стоял туман и моросил дождь. Журавли летели высоко и курлыкали. Их курлыканье не давало заснуть. Мы выходили в сад и, запрокинув головы в мокрое ночное небо, долго глядели. А птичий стая не было конца. Был большой перелет. Журавли летели на север, в Россию.

Наш читатель мало знаком с произведениями писателей Афганистана. Да это и не удивительно. Афганская проза по сути только зарождается, и среди иных прозаических жанров пока что преобладает новелла-аллегория либо рассказ очеркового характера. Один из таких рассказов молодого афганского писателя Мир Мухаммада Сиддик Фарханга, впервые опубликованный в журнале «Адаб» («Литература») — органе литфака Кабульского университета, мы и предлагаем вниманию наших читателей.

МИР МУХАММАД
СИДДИК ФАРХАНГ

ПОМИНКИ

Новелла

— Матушка, в доме Аджи поминки, быстрее дай большую чашку, я принесу плова. Быстрее, а то кончится.. О боже, кончится! Быстрее!

Яхья стоял против своей матери Хад-

жиры и кричал. От нетерпения он топал босыми ногами по крыше, раскаленной июльским солнцем, как сковородка, от чего с крыши в воздух поднималась белая пыль. Хаджира сидела на кор-

точках в тени, у стенки возле водостока. Перед ней стояла глиняная лоханка, а рядом — кувшин с отбитой ручкой. Вода в лохани была грязно-серого цвета, земля вокруг забрызгана мыльной пеной такого же, грязно-серого цвета. На куске войлока лежало полкуса черного стирального мыла.

Руки Хаджиры, голые по локоть, были красивы и смуглы в предплечьях, но красны и морщинисты книзу, от запястий до кончиков пальцев. Эта краснота говорила о постоянном соприкосновении с водой, щелочью и корытом. Кожа на пальцах была такой тонкой, что, казалось, будто из них вот-вот брызнет кровь. Крепко упершись ногами в пол, Хаджира размеренно наклонялась туловищем вперед, нажимала обеими руками на белую ткань в лоханке, выпрямлялась и через мгновение повторяла то же самое движение.

Яхья пришел в раздражение от молчания матери и невнимания к нему, а больше от однообразных движений ее туловища. Он еще сильнее топнул ногой и закричал:

— Тебе говорю, оглохла, что ли?! В доме Аджи поминки, быстрее давай большую чашку, принесу плова, а то кончится, кончится...

Хаджира бросила на него потухший, мертвый взгляд, как будто и в самом деле ничего не поняла и снова занялась своим делом. Раз, два, три — ее руки сжимали ткань в лохани и отпускали. От крика Яхьи из-за деревянных створок окна напротив Хаджиры показалась голова старухи. Старуха была маленькая и толстая, со спутанными седыми волосами. Длинный желтый зуб с верхней десны сидел на нижней губе. Казалось, на ее лице застыла злобная улыбка смерти. Обращаясь к Хаджире, старуха сказала:

— Гадкая женщина, ты чего расстраиваешь ребенка? Разве не слышишь, он говорит, в доме Аджи поминки? Быст-

рей дай что-нибудь, чтобы он принес плова, мужики твои и дети поедят.

Хаджира, не переставая все так же размеренно двигаться, ответила:

— Что я, из могилы отца достану большую чашку? Подождите, вот я выстираю штаны, дам ему чашку.

Старуха и так готовая вот-вот затеять ссору, услышав такое, уперлась обеими руками в оконную раму и закричала страшным голосом:

— Люди мы или ослы?! Теперь ты нас будешь кормить из грязной лохани, в которой стираешь тряпье своих кавалеров?

Хаджира вылила в водосток воду из лохани, а белые штаны, что были в ней, крепко выжала обеими руками, затем снова бросила в лохань и полила на них свежей воды из кувшина. Повертев штаны, вытащила их из лохани, выжала и, поднявшись, повесила на веревку, протянутую из одного конца крыши в другой, рядом с мужской рубахой серого цвета. Потом только обратила внимание на старуху. Устало и безразлично сказала:

— Мама, что это ты говоришь такое? Если я и стираю чужое белье, то ради детей твоего сына, который вот уже три года жив ли, мертв ли, пропал, оставил нас одних. Медную чашку Яхья потеряет или ее у него утащат. Эта лоханка хороша, да и плова в нее много войдет. Вот я вымою ее с мылом...

Однако старуха, все еще злая, повторила упрямо:

— Ослы мы, что ли? Мне противно, я не могу есть из поганой посуды. Ешь сама и корми своих мужиков из лохани, а я дам медную чашку, пусть мне принесет еды отдельно.

Сказав так, она пошла в конец комнаты и из деревянного сундука в углу вытащила несколько луженых мисок, блестящих, как серебро. Потом вышла на крышу через дверь и спросила у Яхьи:

— Сынок, где твоя сестричка?

— В саду Аджи смотрит поминки.

— Отдай ей эту чашку, пусть принесет мне плова, да пусть возьмет кусок мяса без кости.

Хаджира бросила усталый взгляд на свекровь, настроенную ругаться, на ее растрепанные волосы и толстый загривок, ничего не сказала и подала Яхье лохань. Тот взял обе посуды, бегом спустился с лестницы и одним духом прибежал к воротам сада Хаджи¹.

Ворота сада были закрыты изнутри. Возле них собралась большая толпа из женщин, мужчин и детей. Число их с каждым мгновением увеличивалось.

Яхья увидел свою сестру, Зухру. Она стояла в конце очереди и разглядывала собравшихся. Зухре было семь лет. Это была худенькая и желтоволосая девочка. Яхья позвал ее и спросил, почему закрыты ворота. Зухра ничего не знала. Вместе с другими детьми она смотрела, что происходило в саду Хаджи, как вдруг слуги Хаджи налетели на них с палками. Некоторые девочки упали, Зухра убежала и очутилась тут.

Яхья отдал ей медную чашку и наказал никому не отдавать. Потом взял ее за руку и стал ждать, покуда откроются ворота. Толпа увеличивалась и давила на тех, кто стоял в первых рядах. Ближе всех к воротам стояли два слепых хафиза² и старуха нищая. Хафизы держали друг друга за руки. Один из них сильно стучал палкой в ворота и кричал:

— Откройте ворота! Мы хафизы, пришли на хатм³, а не плов есть, откройте во имя обряда по Корану!

¹ Хаджи — так называют уважаемых людей. В разговоре употребительно также Аджи.

² Хафизы — бродячие слепые певцы, читающие наизусть главы из Корана.

³ Хатм — окончательная церемония при обряде поминания усопшего.

Старуха-нищая вторила их голосу, уныло подпевая:

— О сыночек! Ради бога, мои детки голодные. Ради солнца в день страшного суда, открой ворота...

Сзади них несколько людей переругивались друг с другом. Желая попасть ближе к воротам, они образовали вторую очередь, Сильные пробивались вперед, работая плечами и коленями, отталкивали слабых в стороны. Те мстительно отвечали им проклятиями и бранью. Наконец, послышался звук снимающейся цепи. Одна створка ворот отворилась. Показалась голова и густая борода смотрителя Хаджи.

— Вы проходите, — сказал он хафизам, — а другие пускай ждут, пока придет их черед.

Хафизы вошли внутрь. Старуха-нищая, ступая следом, вцепилась в палку одного из них и не давала воротам закрыться. Смотритель одной рукой крепко схватил створку ворот, а другой попытался вырвать палку из цепких пальцев старухи. Пользуясь замешательством, толпа сзади надавила. Смотритель упал. Старуха-нищая тоже повалилась на землю и освободила толпе путь во двор.

В одном из уголков сада под навесом, увитым виноградными лозами, была расстелена большая скатерть. 20—25 слепых хафизов сидели вокруг и молча поглощали плов. В другом углу сада, куда выходила дверь женской половины дома, под большим тутовым деревом был сооружен целый ряд очагов из камней и кирпичей. Четыре или пять больших котлов стояло на них. Под котлами, нещадно дымя, горели большие поленья ореховых и тутовых дров. Над котлами тоже полыхал сильный огонь. Несколько котлов было спущено на землю. Над ними стоял толстый и жирный повар с черпаком в руке и раздавал еду пришедшим. Те выстроились поодаль в виде полумесяца, обращенного к звездному котлу. Приближенные и друзья Хаджи

исполняли обязанности родства — приносили повару миски, кружки, блюда, тарелки и уносили обратно к их хозяевам, наполненные пловом и мясом. У них в руках были толстые палки, пока им не нужны. Те, что пришли без посуды, получали еду в платки, чадры и могли бы, пожалуй, подставить и шапки. Собираясь по три, четыре человека в уголках сада, люди ели, а насытившись, вытирали усы, вымазанные жиром от плова, и собирались уходить.

В конце сада в тени сидел на стуле молодой человек — единственный наследник Хаджи — и наблюдал за происходящим. Из ветвей дуба доносилось воркование дикого голубя. Сын Хаджи пускал вверх сигаретный дым и, так как был немного сентиментальным и мечтательным, воображал, что дух его отца, покойного Хаджи, спустился с неба в виде голубя, созерцает с высоты дерева поминки и посылает весть своему мудрому сыну-наследнику.

Вдруг со стороны ворот в сад ворвалась новая толпа. Люди, спокойно стоявшие полукругом и поглощенные ожиданием своей очереди, от вторжения новой и необузданной группы заволновались. Она подумали, что потеряют право первенства. Вначале один-два человека, а потом все разом, они кинулись на вновь

пришедших. Повар убежал. Котел перевернулся. Люди в первых рядах под нажимом последних упали на котлы и печи. Поднялся крик и плач детей, посылались проклятья женщин. Приближенные Хаджи безжалостно пустили в ход свои палки. У сына Хаджи, при виде такого зрелища, улетели из головы все сладкие мысли о духе. Он плюнул и ушел в женскую половину дома. С ветки дуба в воздух взлетела пара голубей. Яхья очутился под ногами. Его все толтали. Он чувствовал сильную боль в пояснице. Наконец, когда толпа немного рассеялась, он увидел, что край лоханки попал ему прямо на поясницу. Он поднялся, стряхнул с себя пыль и увидел, что лохань цела. Он облегченно вздохнул и сразу же вспомнил о Зухре. Ему припомнилось, что во время общей свалки она отпустила его руку.

Заглянув во все уголки сада, он, наконец, нашел ее у ручейка с водой. Зухра склонила голову. Большие капли крови капали из носа в воду. Яхья позвал ее и спросил:

— Сестренка, куда ты дела миску?

Зухра подняла голову, не ответила, но ее глаза наполнились слезами. Медная миска была потеряна.

Перевод Г. ЛЕБЕДЕВОЙ

СИБИРЯКУ НА ПАМЯТЬ

60 И раньше знали, что Сибирь богата углем. Но

только в последнее время стало ясно, что это самый богатый угольный район земного шара. Неизмеримо «выросли» запасы старых бассейнов: Кузнецкого, Чулымско-Енисейского, Тун-

гусского и других. Вместе с тем открыты такие гиганты, как Ленский каменноугольный бассейн и ценнейшие месторождения коксующихся углей в Забайкалье и Якутии.

Дмитрий Андреевич Буторин в 1938 году

Вся страна наша с интересом и вполне естественным беспокойством следила за необычной экспедицией отважных мореплавателей Дмитрия Буторина и Михаила Скороходова, которые вдвоем, на маленьком суденышке, построенном по образу и подобию древних лодок, прошли старинным путем поморов из Архангельска в Мангазею. Путешественники доказали не только существование в прошлом такого пути, но и то, что на мелководном судне за короткий навигационный период можно пройти по всему Северному морскому пути.

Газеты наши немало уже писали о Дмитрие Буторине и его спутнике-писателе Михаиле Скороходове. Мы же предлагаем читателю очерк «Человек с зимовки», написанный почти 30 лет назад. Его автор — начинающий в то время журналист, ныне известный кузбасский писатель Виталий Степанович Рехлов.

В. Рехлов в те годы работал в редакции газеты «Советский Таймыр», часто выезжая на зимовки звероловов и охотников, однажды повстречался с молодым звероловом-стахановцем Дмитрием Буториным. И не мог не написать о нем.

Вполне возможно, что опубликованный в конце 1939 года в газете «Советский Таймыр» очерк В. Рехлова был первым печатным материалом о Дмитрие Буторине.

ЧЕЛОВЕК С ЗИМОВКИ

Мертво безмолвие полярной ночи. Ни ветерка, ни шороха. Только изредка в прибрежных торосах звонко треснет лдинка. И снова тихо.

Последние сполохи северного сияния давно уже растаяли в небе, и теперь оно кажется еще более темным.

Единственная избушка промысловой зимовки почти совсем незаметна. В последнюю пургу ее вровень с крышей занесло снегом.

Тихо, темно.

Наконец медленно приближается утро. Впрочем, понятие «утро» — относительное. Чуть-чуть разве посереет мрак и все.

Но это — утро. Как бы в подтверждение, незаметное до этого подслеповатое оконце избушки замигало желтым глазом. Из печной трубы полетели снопы искр.

...В избушке встали. Немного погода с шумом открылась примерзшая за ночь дверь. Вместе с клубами пара показался саженного роста человек. Взглянув на темно-фиолетовое небо, он отошел от избушки, чтобы лучше определить наступивший полярный день. Взгляд упал на снег.

— Ишь, ты, шельмецы, — не то удивленно, не то обиженно замечает он, рассматривая песцовые следы недалеко от жилья. В самом деле, вороватые жители тундры в поисках корма густо наследили ночью возле зимовки.

«Надо собираться на осмотр», — подумал он, еще раз бросив внимательный

взгляд на множество отпечатков песцовых лап на снегу.

Через полчаса запряженные в легкую нарту по-новоземельски, веером, девять ездовых собак вихрем помчались берегом острова.

Охотник-промысловик Дмитрий Андреевич Буторин поехал осматривать поставленные пасти и капканы.

Природный северянин, уроженец одной из деревень под Архангельском, Дмитрий Андреевич вырос в суровых условиях Заполярья. От отца-помора он унаследовал хорошие качества зверобоя: сметливость, большую физическую силу и выносливость. Не раз ему приходилось во время охоты на нерп, морских зайцев, моржей и других обитателей океанских глубин лицом к лицу встречаться с опасностью.

Не просто далась Буторину-зверобое охота на моржей, которых до тысячи

штук он добыл за время зимовки на мысе Челюскина. Часто одному приходилось вытаскивать на берег пятидесятипудовые туши морских великанов.

В 1938 году, после зимовки, побывав на родине, Дмитрий Андреевич Буторин вместе с женой и ребятами приехал работать на производственно-охотничью станцию «Омулевая» Усть-Енисейского района. Зверобоя направили на зимовку «Остров Расторгуева» в Карском море, где наряду с морским промыслом он мог заниматься ловом песцов.

И там-то вот Дмитрий Андреевич показал всем охотникам ПОС, как можно высокопродуктивно организовать промысел.

Остров Расторгуева имеет несколько удлинненную с востока на запад форму. Если смотреть сверху, с самолета, контур берега похож на цифру 8. Избушка зимовки расположена в самом узком месте острова, ближе к южному берегу. Местоположение очень удобное. Осмотрев ловушки на одной половине острова, к вечеру можно возвратиться на зимовку, и, переночевав, закончить на следующий день осмотр пастей и капканов на другой половине острова.

...Надо было готовиться к промыслу. И вот тут-то знания зверобоя Буторина особенно пригодились Буторину-охотнику на песцов. За сравнительно короткий срок Дмитрий Андреевич добыл более 40 нерп, мясо которых было употреблено на подкормку

и приваду. Разбросанное на полукилометровом расстоянии друг от друга по всему берегу острова это мясо создавало непреодолимую преграду для лаком-песцов.

— Лишь бы зверь дошел до острова, — говорил Буторин. — Дальше не пойдет, тут и останется.

И действительно, звери оставались. Многие попадались в искусно расставленные пасти и капканы, а те, которые бегали на воле, продолжали посещать места подкормок и привады, становясь в конце концов пленниками.

Но мало только расставить ловушки. Надо как можно чаще их осматривать. И Буторин проявил себя неутомимым промысловиком. К весне стахановский труд был окуплен с лихвой. За эту зиму Дмитрий Андреевич поймал 133 песца, выполнив план на 270 процентов. Вместе с зверобойным промыслом он заработал более 25 тысяч рублей.

Богата всякими случайностями жизнь охотника-промысловика. Много всевозможных историй — смешных и страшных — может рассказать Дмитрий Андреевич. И только о себе не любит рассказывать, хотя многое в суровой жизни этого мужественного полярника-стахановца достойно широкой популяризации. ...Шел август 1939 года. Море вокруг острова было спокойно. Иногда еще толь-

ко на берег с тихим шелестом набегала легкая волна — последний отголосок затихшего шторма.

Налаживая шлюпку, Буторин бросал внимательные взгляды на соседний островок. «Моржовая шапка» или просто «Шапка» — прозвали его промысловики за куполообразную форму, хотя называется остров «Моржовый».

Буторин собрался туда на охоту. 15—20 километров, отделяющие «Шапку» от зимовки, проплыл быстро. Моряк, ездовая собака Буторина, стремглав кинулась в глубь острова, едва шлюпка ткнулась носом в берег.

Шесть часов на «Моржовом» охотник провел недаром — мясо трех диких оленей и морского зайца погрузил он в шлюпку перед отплытием.

Начался ветер. Отчалив, Буторин сразу почувствовал, что плыть тяжело. Встречный ветер и прилив почти на месте держали лодку. «Заштормит еще», — мелькнула мысль, и он налег на весла.

Прошло три, пять, семь, восемь часов, а берег был все еще далеко. Насунив брови, Буторин размеренно, как и вначале, работает веслами. Слышится только ровный скрип уключин да тонкий, разбойный посвист ветра... 14 часов продолжалось это состязание с природой в силе и выносливости. Победил человек — потомок поморов и сам помор.

В. РЕХЛОВ.

СИБИРЯКУ НА ПАМЯТЬ

Своим названием Кузнецкий бассейн обязан известному русскому геологу П. А. Чихачеву, который открыл в 1842 году богатейшие угольные месторождения на территории нынешней Кемеровской области.

Сибирские реки, впадающие в Ледовитый океан — крупнейшие в мире. Их общий сток превышает 1500 кубических километров в год.

В Сибири и на Дальнем Востоке сосредоточено 70 процентов всех гидроресурсов страны, при этом почти половина их приходится на долю Восточной Сибири. Строительство мощных гидроэлектростанций обходится здесь в два-три раза дешевле, чем в Европейской части СССР.

Байкал — крупнейшее на нашей планете хранилище пресной воды: в нем сосредоточена пятая часть всех ее запасов. Байкальская впадина может вместить всю воду Балтийского моря. Чтобы заполнить эту котловину водой, всем рекам земного шара потребовался бы почти год времени.

— Здравствуй, Рогов!
Здравствуй, Павел Гордее-
вич! Жив-здоров, значит?
Ну, давай рассказывай:
как, что, где носила тебя
нелегкая...

Так мог сказать после дол-
гой разлуки с Роговым
первый встречный.

Так мог приветствовать его
давний, хороший друг.

Так, наверное, хотел бы
вновь встретиться с полюбившимся ему героем чита-
тель.

А жизнь рассудила по-сво-
ему. Новая встреча с Рого-
вым начинается вот как:

«На вечерней вахте его вы-
кликнул дежурный по зо-
не. Еще не легче... Устал
за день, слякотища такая,
дождь мелкий, непрерыв-
ный, на расхлуженных ботинках
пудовые наросты
глины. И как только де-
журный выкликнул, рядом
возник прямо из-под сы-
рой земли Коняк.

— Я, пожалуй, дойду с
тобой к штабу... Мало ли
что эти оперы думали...

— Провались! — сказал
Рогов, не разжимая зубов.
И Коняк провалился, пере-
стал с хрипом дышать за
плечом.

Через полчаса, так и не успе-
в взяв свою вечернюю
пайку, Рогов получил
увольнительную на срок
«по усмотрению» и в при-
дачу автоматчика с весе-
ленькими глазками, русо-
кудрого, с косой попереч-
ной складочкой на переносице.
Такой в тебя стрель-
нет и сплунуть позабу-
дет...»

Да, это он, Павел Рогов,
идущий сейчас в увольни-
тельную под дулом автома-
та. Тот самый Рогов —

ВСЁ ПРО РОГОВА

сильный, смелый, целеустремлен-
ный, душа-человек,
которого мы знали по
«Земле Кузнецкой».

Сегодня он — главный ге-
рой нового романа Алек-
сандра Волошина «Все про
Наташку»¹.

Десятилетие в среднем по
времени разделяет дейст-
вие обоих романов. Но они
органически связаны друг
с другом: четко прослежи-
вается единство замысла,
действия. Да и герои ново-
го романа, за небольшим
исключением, — наши ста-
рые знакомые. Правда, они
повзрослели и возмужали,
кое-кто поднялся на сту-
пеньку выше в служебном
и общественном положе-
нии... На каждого из них
жизнь наложила свой от-
печаток: к одним она бы-
ла мила и благосклонна, к
другим — беспощадна и су-
рова. Но никто не стал ее

слепой жертвой. Даже Па-
вел Рогов, сегодняшний
зек. Он не был прямо ви-
новен в несчастном случае
на руководимой им шах-
те — и все же оказался на
скамье подсудимых. Но и
пять лет лагерного сущест-
вования не убили в силь-
ной и самостоятельной на-
туре любви к жизни, стрем-
ления найти свое счастье
и быть полезным людям.
И недаром он замечает, что
«мерзко верить в неспра-
ведливость жизни, если да-
же несправедливость со-
вершается рядом с тобой,
над самим тобой».

И справедливость жизни
восторжествовала! Она про-
сто не могла не восторже-
ствовать уже в силу того,
что утверждают эту спра-
ведливость настоящие и че-
стные люди. Такие, как
профессор Скитский, быв-
ший парторг «Капиталь-
ной», а ныне секретарь
горкома партии Бондарчук,
шахтеры Дубинцев, Чере-
панов, Сибирцев, старый
проходчик Афанасий Пет-

¹ Александр Волошин. Все про Наташку. Роман. Кемеровское книж-
ное издательство. 1967.

рович Вошин и его дети — весь рабочий класс. Утверждает эту справедливость своими действиями, поступками, самой своей жизнью и Рогов.

В новом романе Павел Рогов — зек, горный мастер на своей родной «Капитальной», районный инженер, управляющий каменно-угольным трестом. Время заново, как и в «Земле Кузнецкой», заставило его ежечасно, ежеминутно, ежесекундно утверждать себя на земле Человеком — хозяином своей судьбы. Но если в «Земле» Рогов выходит на авансцену человеком кристально чистым и благородным, не чувствующим за плечами тяжелого груза моральной ответственности за судьбы людей и вступающим в борьбу против консерваторов, подхалимов, ретроградов смело и без оглядки, то в новом романе он — человек, лишенный партийного билета, вокруг которого, по мнению некоторых «сверхбдительных» ответственных работников, сложилось определенное общественное мнение. Сам Рогов это чувствует и понимает. И все-таки, какое ни будь там общественное мнение — он верит в людей и правоту того дела, за которое боролся, которому отдал всего себя. Вот почему естественен и понятен его порыв снова оказаться среди людей близких ему по духу, а не стыдливо обойти их стороной, убоявшись шепотков из-за угла и своей «зековской аммуниции». Рогов не боится сейчас посмотреть правде в глаза.

Как не боялся и тогда, на «Капитальной», когда бросились к ней «из всех густонаселенных логов бабы и ребятишки, и Рогов приказал тем ранним утром высветлить площадку — трибуну и поднялся на нее, на эту голгофу. Сказал, что горноспасатели уже пошли на Третий Восток, но он должен предупредить, что люди погибли. Как это теперь далеко за давью дней, и как всегда больно возвращаться в эту жизнь! А возвращаться надо».

Рогов возвращается и принимает бой! И снова без оглядки. Потому что не растерял он в годину суровых физических и моральных испытаний ни убежденности своей, ни прямоты и честности, ни веры в людей.

Ему легко в этом бою — рядом верные и преданные друзья-товарищи. Ему трудно в этом бою — потому что нельзя допустить «осечки» в самой малости.

Рогов — человек государственственный. В самом прямом и самом широком значении этого слова. Каждый его поступок обдуман и, что называется, выверен именно с этой, государственной точки зрения. Вот почему с такой энергией и последовательностью он отстаивает свою идею реконструкции «Капитальной», способной еще добротнее сработать на государство. Вот почему он беспощаден к ее новому начальнику Гришину, способному решать вопросы и работать с людьми как угодно, только не по-государственному. Он же, Рогов, не может, не

имеет права не довести начатое дело до конца. Такая уж у него, по его собственному признанию, должность на земле.

Натура цельная, сильная, без изъянов и щербинок — она как магнит, притягивает к себе каждого, кто попадает в ее поле действия. И каждый, оказавшийся «намагниченным» роговским энтузиазмом, его душевной щедростью и жизнелюбием, непосредственностью и идейной убежденностью, становится сам богаче. Они все, какие есть — от Рогова: и главный инженер «Капитальной» Филенков, и горный техник Дубинцев, и Черепанов, и Сибирцев, и Некрасов и многие, многие другие. Но и сам он, Рогов, не ангел, с неба слетевший. Он вобрал в себя мудрость и рассудительность старого горняка Афанасия Петровича Вошина, такт и обаятельность парторга Бондарчука, живую непосредственность изобретателя Акима Акимовича... Не слитое ли все это воедино и родило того Павла Рогова, который предстал перед нами в новом романе?!

Рогов, ко всему прочему, и прекрасный аналитик жизни, человек критического склада ума, имеющий на все и вся свою точку зрения. Он всегда в центре событий, порой противоречивых в силу тех или иных обстоятельств. Он порой просто по-человечески не способен понять людей, не чувствующих ответственности за время, в которое они живут. И

тогда с его уст срывается далеко не риторический вопрос, ответ на который дает сама его жизнь, его деятельность: «Почему мы не научились отвечать за время, в котором живем, за каждую секунду!»

Ценой огромных усилий, физических и моральных, Рогов выигрывает бой и выходит на новые «исходные рубежи» еще более окрепшим и убежденным в правоте того дела, которому он посвятил всю свою жизнь.

Что ждет его впереди? Спокойствие и безмятежность? Навряд ли... Но какие бы испытания ни уготовила ему судьба — он всегда готов к новому бою, к новой схватке. Таков он в самом своем естестве, Павел Гордеевич Рогов.

Новая встреча с ним не

обманула надежд читателя. Александр Волошин создал законченный положительный образ героя наших дней, ровесника Октября, трудом своим и действием преобразующим Землю Кузнецкую.

«Все про Наташку», на мой взгляд, — это ярко выраженный роман одного героя. И хотя есть в новом произведении впечатляющие картины шахтерской жизни, на протяжении нескольких лет прослеживаются судьбы других героев (как-то: Бондарчук, Данилов, семья Вощаных) — роман остается бытописанием жизни Павла Рогова. Может быть, именно в силу этого обстоятельства в новом произведении автору не удалось глубоко и полно раскрыть характеры многих других героев. Не-

сколько приземленными, бездейственными что ли, выглядят в романе наши старые знакомые — секретарь горкома партии Бондарчук, новый парторг шахты Данилов и ее новый начальник Дубинцев. Они, ранее такие живые и деятельные, здесь оказались в тени; образы их до обидного схематичны. Разве только «оконтурен» образ профсоюзного «бога» «Капитальной» Антона Бабака.

Зато образы «проходные» — Гошка Хлебников, его мать Пелагея, Дмитрий Чугунов, изобретатель Аким Акимович — выписаны хотя и скупо, но запоминаются накрепко. Настолько они индивидуализированы автором.

Строг и в общем-то незамысловат сюжет романа;

● Прообразом Митрофанушки в «Недоросле» Фонвизину послужил 18-летний дворянин Алексей Оленин.

Увидев себя на сцене, потрясенный Оленин бросил голубятню и безделье и засел за учебу. Из него вышел образованный человек своего времени — президент Академии художеств и директор публичной библиотеки в Петербурге.

● Всем известна поэма Твардовского «Василий Теркин», но мало кто знает, что в русской литературе имеется и одноименный роман из купеческого быта, написанный русским писателем Боборыкиным.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ

● Первым литературным произведением, печатавшимся по частям в газете, был «Робинзон Крузо». Он печатался с 7 октября 1719 по 17 октября 1720 года.

● Принято считать, что первой русской печатной книгой был «Апостол», выпущенный в 1564 году Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем. Однако недавно в Архангельской области обнаружена пре-

его «движущая сила» — жизнь и деятельность главного действующего лица. Правда, развивается сюжет порой вяло, а отдельные связи его прямо-таки ставят в тупик читателя. Так, совершенно трудно объяснить «родство» Рогова с профессором Скитским; осталась загадкой для читателя и любовная связь Рогова с матерью Наташки; и, наконец, галопом, что называется, прослежен поистине головокружительный взлет Рогова на должность управляющего трестом. Эти сюжетные «провалы» настолько ощутимы в ткани художественного произведения, что создается вполне определенное впечатление его незавершенности, или, говоря проще, в романе не связаны концы с

концами. И это главный его недостаток.

Палитра же художника пополнилась с годами новыми красками и оттенками: скупо, но в то же время емко описывает А. Волошин природу родного Кузбасса, динамично строит диалог, несколькими мазками набрасывает запоминающийся портрет героя. Умеет автор и с помощью речевой характеристики персонажа раскрыть его характер, манеры. Вот короткий телефонный разговор Рогова: «Иванищев с «Шушталепской» поздравился, поздравил с приездом, с назначением. Хвала тебе, всевышний, без варягов обошлись, натерпелись с варягами, теперь сами с усами. Еще пожаловался на поясницу, хо-

лера бы ее взяла, похвалился солеными грибами, выразил надежду вскоре-сти видеть Павла Гордеича у себя, а также надежду на немедленное решение вопроса с поверхностным комплексом на многострадальных «Шушталепских». И вообще, нужен государству уголь или не нужен». Всего несколько фраз, а об Иванищеве можно уже определенно судить — что за человек.

...«Все про Наташку» — все про Рогова. А Наташка здесь вовсе ни при чем. Если не считать одного обстояательства — она дочь Павла Гордеича. Плоть от плоти...

В. КУЗНЕЦОВ.

ИСТОРИИ

красная, в 322 листа книга в бархатном переплете. Выяснилось, что это так называемое «узкошрифтное евангелие» издано за 10 лет до «Апостола».

● В поэме «Полтава» А. С. Пушкин сравнивает Мазепу с Иудой, продавшимся «за тридцать сребреников». Сравнение это не случайное, у него есть историческая подоплека.

Петр I, узнав про измену Мазепы, повелел отлить монету весом почти в 4 кг. Эту монету с надписью, карающей изменника, Мазепа должен был носить до конца своих дней, и только скоропостижная смерть спасла гетмана-предателя от наказания.

● Гомер и Сократ, величайшие «писатели» древности, не написали в своей жизни ни единой строчки. Все свои произведения они держали в памяти по той простой причине, что не умели ни читать, ни писать.

Познакомьтесь — автор первой книги

Впервые я увидел и услышал Виктора в марте 1962 года на одном из собраний литературного объединения при редакции Междуреченской городской газеты «Знамя шахтера». Среднего роста, коренастый, ничем особо не примечательный паренек читал монотонным, без выражения, голосом свои первые рассказы. За два года до этого он закончил горный факультет Сибирского металлургического института и работал мастером участка шахты «Томь-Усинская-1-2».

И то ли потому, что весна в том году была необычайно ранняя, маяющая на улице, а сидели мы в душной прокуренной комнате, то ли от вялого авторского чтения, то ли так на самом деле и было — рассказы Виктора показались нам очень слабыми, несовершенными. И немало услышал в тот вечер Виктор критических замечаний в свой адрес, замечаний вполне справедливых, доброжелательных. Воспринял он их, на мой взгляд, без какой бы то ни было обиды на товарищей. А потом случилось так, что Виктор исчез из моего поля зрения. В Междуреченске я с тех пор не бывал, в периодической печати его фамилия не появлялась, и я, нужно признаться, даже и забыл горного инженера по фамилии Чугунов. И вдруг в начале 1966 года

звонок из издательства:

— Зайди-ка, пожалуйста! Тут один автор рассказы прислал. Здорово, толково написаны.

— Что за автор?

— Чугунов. Из Междуреченска.

— Н-не знаю, не слыхал.

Я взял рукопись, сел читать и, только закончив чтение, вспомнил о своем первом знакомстве с ее автором. И тут же сомнения, — а, может, я ошибаюсь, может быть, это совсем другой Виктор Чугунов, да, может, то вовсе и не Чугунов был, и не Виктор.

Мало ли какие заскоки и провалы бывают в памяти. А для сомнения были причины — слишком уж хорошо для начинающего автора написаны некоторые рассказы. И, немного забегая вперед, скажу, что рассказы В. Чугунова «Локомотив» и «Сибириада» («Полметра до катастрофы») были впоследствии опубликованы в спецвыпуске «Литературная неделя Кузбасса» и альманахе «Огни Кузбасса».

Вновь встретился я с Виктором на Кемеровском семинаре молодых писателей Урала и Западной Сибири. Тут уж все сомнения были рассеяны. Я рад был позвать руку тому самому «пареньку» из Междуреченского литературного объединения. И всем нам очень было приятно, когда

ВИКТОР ЧУГУНОВ

наше мнение о рассказах В. Чугунова полностью совпало с мнением известного писателя Сергея Антонова, давшего высокую оценку творчеству молодого писателя.

И вот перед нами первая книжка, первый сборник рассказов Виктора Чугунова «Полметра до катастрофы». Не все рассказы равноценны. Есть хорошие, есть и слабые. Но разбирать их достоинства — это уж дело критики. А мне просто хотелось бы, чтобы вы сами познакомились с молодым прозаиком, сами определили свое отношение к его творчеству. Думаю, что знакомство обязательно состоится и вы будете рады этому знакомству.

Сейчас Виктору Чугунову тридцать лет. Он работает на той же шахте заместителем начальника участка буровзрывных работ. Одновременно учится в Литературном институте имени А. М. Горького при Союзе писателей СССР.

О. ПАВЛОВСКИЙ.

ЦЕНОЙ ЖИЗНИ

Ф. Чиспияков. «Кинэ». Повесть.

Повесть «Кинэ» — третья книга шорца Федора Чиспиякова. Как и в первых двух, в «Кинэ» автор рассказывает о жизни своего маленького народа, о его судьбе. Всю свою жизнь Федор Чиспияков провел в Горной Шории. Он, как и поэт Степаи Торбоков, одним из первых получил образование при Советской власти (окончил в 1932 году педагогическое отделение Ленинградского института народов Севера) и работал учителем в шорских улусах и поселениях. Он — автор первых учебников на шорском языке.

Отлично зная жизнь своего народа, его историю, уклад, обычаи, нравы, Федор Чиспияков очень верно рисует быт. Обстоятельно и неторопливо повествует автор о девушке по имени Кинэ из шорского стойбища. С первых страниц повести читателя охватывает тревога за судьбу этой тоненькой двенадцатилетней девочки из бедной семьи. Она помогает матери в поле, а улучив минуту, бежит на луг, в тайгу, наслаждаясь свободой. Кинэ радуется все: и огромные облака над головой, и цветок, и яркое солнце. Кажется, она создана для радости и счастья. Она очень любознательна и спрашивает у матери, чем полезно дерево береза, много ли людей на земле и как они живут, отчего не берут на охоту женщины и почему все издавна считают, что женщина, взяв в руки ружье, оскверняет его? Почему это Келычек-бай живет лучше всех? Почему у него дом деревянный и полон еды, да такой какой у других нет?

Так растет Кинэ, а судьба ее уже предрешена отцом: она должна будет выйти замуж за того, кому он обещал ее, когда Кинэ только родилась. Традиции и обычаи, как дамоклов меч, висят над жизнью Кинэ. А в это время Россия вступает в первую мировую войну, потом начинается революция и гражданская война. Отголос-

ки этих событий доходят и до глухого стойбища, где живет Кинэ.

Правда, Кинэ ничего не знает об этом. Но наделенная сильной волей, она, полюбив юношу Чагыса, отвергает жениха и, презрев все обычаи и традиции, выходит замуж за любимого. Трагически складывается дальнейшая судьба Кинэ. Даже такие сильные и незаурядные люди, как Кинэ и ее муж Чагыс, не в силах противостоять суевериям, и становятся жертвами их, хотя пришла уже и в Шорию революция, и народ начинает строить новую жизнь. Сама Кинэ помогает этой новой жизни, учится грамоте и становится первой помощницей первой учительницы в стойбище. Но дух Кинэ, ее сознание, как и сознание ее народа, еще долго будет находиться в плену суеверий и предрассудков, а богатеи и шаманы умело используют это в своих интересах в борьбе с новой властью. Свобода духа, освобождение от груза пережитков и суеверий и достается Кинэ очень дорогой ценой. Судьба Кинэ — это типичная судьба человека из народа, человека смелого, наделенного красотой и силой. Заслуга автора в том, что он правдиво, без прикрас изображает сложную обстановку, в которой живут его герои.

Верой в человека, его ум и его добрую волю пронизана повесть Ф. Чиспиякова, несмотря на трагические события, описываемые в ней.

ГЛАЗАМИ ЮМОРИСТА

Николай Самохин «Блондинка на букву «Л». Юмористические рассказы

Имя этого молодого писателя достаточно широко известно: новосибирец Николай Самохин — автор трех сборников юмористических рассказов, его регулярно печатают «Сибирские огни», его рассказы украшают такие журналы, как «Смена», «Крокодил».

В четвертую книгу, «Блондинка на бук-

ву «Л», недавно вышедшую в Кемерове, Николай Самохин включил лучшие свои рассказы из ранее изданных и новые.

Читатели получили поистине веселую книгу. Самохин пишет о нашей сегодняшней самой обыкновенной повседневности. Читаешь и удивляешься: в самом деле, ведь то, о чем пишет автор, ты видел и видишь каждый день, и многие из этих явлений казались вовсе не смешными, часто даже раздражали, злили, портили настроение. Что уж тут веселого, если, например, в коммунальном доме, перенаселенном жильцами, все говорят друг другу гадости и делают мелкие пакости? Не смешно, а грустно, что целые городские районы застраивают у нас совершенно одинаковыми домами, которых не в состоянии отличить друг от друга даже жильцы. Не смеется, конечно, человек которого считают несуществующим на свете, потому что при оформлении паспорта в его фамилии пропущена буква. Да что там говорить — все сюжеты рассказов Николая Самохина не высосаны из пальца, а подсмотрены в жизни, а все, что происходило с его героями — происходит с нами. И все это, не кажущееся нам смешным в жизни, писатель сумел увидеть с неожиданной стороны, найти и показать так необычайно, что от души надо всем смеяться. Смеешься и начинаешь задумываться. Задумываешься о многом. О своем взгляде на вещи, например. О природе таланта писателя-юмориста Самохина.

Самохин хорошо чувствует и передает юмор характеров и положений, — возьми любой его рассказ, и вы убедитесь в этом. В простом, обыденном явлении лежит зерно острокомической ситуации, и на наших глазах это зерно прорастает в юмористический рассказ.

Как правило, рассказы Николая Сахомина кратки, возможно и потому, что скупы и немногословны его выразительные средства, он расходует их экономно, каждое слово на счету, а читатель чувствует подтекст, ему смешно. Не могу не отметить одну очень характерную, важную и радостную особенность юмора Николая Самохина: он любит людей. Его юмор добр: рассказывая о смешном, нелепом, а подчас и постыдном в нас, автор крепко верит в человека и ненавязчиво призывает его обратиться ко всему лучшему, чем, несомненно, богата душа каждого из нас, если заглянуть туда поглубже.

ИССЛЕДОВАНИЕ О ГЕРОИЗМЕ НАРОДА

З. П. Верховцева «Рубежи бессмертия»

Все дальше и дальше уходят от нас события Великой Отечественной войны. Заросли травой окопы, колосятся поля, на которых четверть века назад разгрывались беспримерные по масштабам сражения, восстановлены из руин города и села. Все меньше становится среди нас ее участников. Выросло и вступает в самостоятельную жизнь молодое поколение людей, родившееся после войны и знающих о ней лишь по рассказам ветеранов, по книгам и кинофильмам.

Но чем дальше поток времени относит те грозные события, тем более внимательно и пристально вглядывается наш народ в свое прошлое, оценивая и изучая его. События тех лет не тускнеют, они приобретают все большую ясность, цельность, завершенность.

Все сохранит память народная: и безмерные страдания, и тяготы военного времени, которые избыл наш народ, и ратные свои подвиги. Эта память составляет историю народа, его гордость и славу, которые наследуют молодые поколения. Вот почему появляется все больше и больше книг о подвигах народа в годы революции, гражданской и Великой Отечественной войн. Вот почему такие книги не залеживаются на полках библиотек и книжных магазинов.

Большой вклад в это дело внесли кузбасские журналисты и историки. Недавно вышедшая в Кемерове книга историка З. П. Верховцевой «Рубежи бессмертия» с полным основанием может быть названа исследованием о героизме народа в Великой Отечественной войне.

Слово «сибиряк» наводило ужас на врага, потому что сибиряки побеждали в самых трудных сражениях. Как выразился маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, «лучших воинов, чем Сибиряк и Уралец, бесспорно, мало в мире... Оба они представляют одно целое — самого лучшего, самого храброго, упорного, самого крепкого, самого ловкого и самого меткого бойца».

«Рубежи бессмертия» — книга, в которой рассказывается о воинских подвигах бойцов четырех сибирских соединений: 237-й стрелковой Пирятинской Краснознаменной, 303-й Верхнеднепровской Краснозна-

менной, 376-й Псковской Краснознаменной стрелковых дивизий и 22-й гвардейской, сформированной из кузбассовцев, новосибирцев и томичей.

Книга — итог более чем трехлетней работы автора с самыми разнообразными документами: от имеющихся уже книг о сибиряках-воинах и архивных материалов Министерства обороны СССР до писем участников Великой Отечественной войны и их воспоминаний. Столь скрупулезная и добросовестная работа автора создала возможность восстановить события тех военных лет, многие из которых, казалось бы, забыты навсегда.

Подробно рассказывает автор книги о боевых операциях, называя имена, фамилии, отчества людей, проявивших себя героями. Невольно вспоминается высказывание Юлиуса Фучика о том, что безымянных героев не было и не должно быть. Здесь же — горячие слова писем с фронта, которые до сих пор волнуют каждого читающего своими глубокими и чистыми чувствами.

Но заслуга автора не в механическом воскрешении прошлого, а в умении переосмыслить все извлекаемые из недр истории факты, оценить их с высоты сегодняшнего дня, оживить их, вдохнуть в них жизнь. Книга написана не холодной рукой летописца, точного и объективно регистрирующего, а рукой современника, с гордостью поведавшего молодым поколениям, к «какой земле принадлежим».

Автор пишет: «Вчитываясь в историю минувших дней, невольно думаешь о том, какую же надо было иметь силу воли, чтобы тяжесть военных неудач, ежедневная гибель боевых товарищей не согнули человека, не сломили его боевого духа, не пошатнули уверенности в победе над вооруженными до зубов фашистами!»

Бережно собрала З. Верховцева фотодокументы, многие из которых украшают книгу, воскрешая образы людей, дорогих каждому настоящему патриоту.

Интересную, нужную книгу написала историк З. Верховцева. Об этом свидетельствуют и первые отзывы ее первых читателей. Бывший начальник политотдела 22-й гвардейской стрелковой дивизии А. С. Ширяев из Новосибирска так отзывался о книге «Рубежи бессмертия»: «Книга нужная и весьма полезная для воспитания молодежи на боевых традициях, в духе военного патриотизма, на делах отцов в годы Великой Отечественной войны... Построение книги по рубежам исключило ненужные бахвальства.

Каждая часть, дивизия и каждый воин Советской Армии выполняли с честью и героически приказ Родины... На убедительных примерах вы показали боевую и трудовую связь фронта с тылом, тыла с фронтом, и как моральные силы перерастали в материальные и боевые конкретные дела... Ваш труд над книгой будет по заслугам оценен людьми».

А вот отрывок из письма семьи старшего политрука 3-й стрелковой роты 376-й дивизии Ф. М. Максимова: «Книга читается легко... Но самое главное то, что вы сумели через 25 лет написать и воскресить в памяти людей ратные подвиги наших отцов, матерей и братьев. За это вам наш земной поклон».

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Анатолий Саулов. «Земляника».
Сборник стихов.

В сборник «Земляника» Анатолий Саулов включил около тридцати новых стихотворений и фрагменты из поэмы «Утес на Волге».

Свою поэтическую книжку поэт разделил на несколько тематических циклов.

В первом из них — стихи о Родине, ее историческом прошлом. Сегодняшний молодой человек вглядывается в события недавнего прошлого пытливыми глазами наследника завоеваний народа. Осмысливая революцию и войны, которые вел наш народ, автор сборника ощущает себя преемником тех безымянных, на крови которых стоит великое дело революции:

«Гордись отцами, юных поколение!
Им, мужественным, наше поклонение.
Взрослеем мы под маршами победными,
Мы ввысь растем упрямыми побегами!»

Человек, рожденный в тот год, когда почти половина России находилась под игом фашизма, сегодня поднимает свой голос в защиту мира, счастья, солнца и таланта. Он слышит, что именно к нему обращается солдат, отстоявший четверть века назад детство сегодняшних двадцатипятилетних:

«Но, родившись, запомни:
В этот день я погиб.

Но, родившись в ненастье,
Ты счастливым расти.
Защити свою Настю
И мою защиту»...

(«Голос умирающего солдата»).

Большой раздел занимают стихи о природе, любви, детстве (цикл «Быть бы, быть бы жаворонком»). Не все равноценно в этом цикле, не все стихи одинаково волнуют. Хочется отметить, стихи о русском слове, о русской речи «Словно гусли бормотали» и «Лететь на машинах попутных». Они пронизаны искренним чувством гордости за родной язык, сделаны ладно, доброту, поэт нашел точные сравнения:

«Прислушайся к русскому слову,
Пословицам — из глубины
Пришли они, веские, словно
Обросшие мхом валуны».

Поэт умеет быть благодарным. И это, на мой взгляд, — основное чувство, которым наполнены стихи Анатолия Саулова. Благодарен природе, людям, сделавшим жизнь тревожной и радостной, научившим понимать ее красоту и сложность. И чувство этой благодарности особенно ярко удалось А. Саулову выразить в двух стихотворениях: «Отец» и «Женщина, любившая меня». Особенно значительно и хорошо последнее. В нем молодой поэт счастливо сочетал глубокую человечность чувства с ясной и прозрачной формой.

Стихотворение написано на едином дыхании, так что трудно даже привести из него какой-то отрывок в качестве примера. О больших возможностях молодого автора говорит оно.

О КУЗБАССКИХ ПИСАТЕЛЯХ

А. Ф. Абрамович. «На своей земле». Сборник статей.

Это первая большая критическая работа о творчестве литераторов, живущих в Кузбассе. Автор книги — профессиональный критик, преподаватель Новокузнецкого педагогического института, в течение нескольких лет изучал творчество кузбасских прозаиков и поэтов.

Многие из них не один десяток лет занимаются литературным творчеством и создали интересные и значительные произведения о современнике, о земляках.

Проблематика творчества, стиль, язык — творческая индивидуальность и неповторимость, степень мастерства — вот тот неполный перечень вопросов, которые затрагивает в своих критических очерках автор. Тщательному анализу подвергает А. Ф. Абрамович творчество поэтов Виктора Баянова, Евгения Буравлева, Владимира Измайлова, Михаила Небогатова, прозаиков Александра Волошина, Гария Немченко, Владимира Мазаева, Геннадия Емельянова.

Книга может служить ценным пособием для учащихся старших классов, студентов пединститутов, преподавателей.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОРИИ

● Французский печатник и писатель Ретиф де ла Бретонн, живший в XVIII веке, был автором 203 книг, из которых 152 никогда не были написаны. Бретонн просто набирал книгу «из головы» прямо в типографии. Между прочим, большинство этих книг обладало несомненными литературными достоинствами, пользовались широкой известностью, выдержали много переизданий.

● Недавно в Париже издана самая маленькая в мире книга.. Ее размеры 6×7 мм. Содержание — олимпийская клятва на 7 языках: французском, немецком, английском, русском, итальянском, шведском и финском.

Текст этой книги можно читать только с помощью очень сильного увеличительного стекла.

ВЕСЕЛАЯ МИНУТКА

С. Самсонов

„ТРОЙКА“

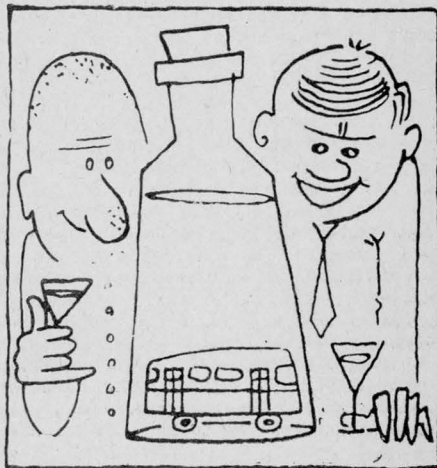
С МИНУСОМ

В ваш город приехал я навестить своего друга. Излишне говорить о нашей восторженной встрече. Жена у него была в отъезде, и он сам быстро и деловито приготовил холостяцкий обед. Потом поставил на стол бутылку водки. Чтобы не поощрять его к этому в дальнейшем, я совершенно искренне предупредил, что не увлекаюсь спиртным.

— Ничего, ничего. Для встречи положено! — радушно возразил мой друг, распечатывая бутылку. — А вообще-то я с тобой солидарен. Другие бы на нашем месте как? Давно не виделись, встретились — и ну цедить ее, окаянную, изо дня в день! А мы — иначе. Мы время проведем приятно, весело, культурно. Будь спокоен: не пожалеешь! Наполняя рюмки, друг строил радужные планы, от которых я пьянел больше, чем от вина.

— Познакомлю тебя со всеми достопримечательностями нашего города. Прежде всего, съездим в наш парк культуры и отдыха. Чудеснейшее место! Наверно, и в ваших краях слыхивали о нем. Потом посмотрим нашу гордость — широкоформатный кинотеатр. Единственный в области! Да и драмтеатр не плох. Таких, брат, тоже не густо в Сибири. Стадион у нас замечательный. Не в каждом областном центре встретишь такой. Как раз на той неделе футбольный матч: первенство страны по классу «Б».

На другой день в начале девятого утра собрались мы, как и наместили, в парк. На автобусной остановке — двадцатипятимет-

ровая плотная очередь в колонну по четыре. Мы пристроились замыкающими. Автобуса в город долго не было. А из города уже четыре «тройки» прошли безвозвратно, словно их оттуда запускали в космос. Я высказал догадку:

— Возможно, у вас автобусы из города идут по четным числам, а обратно — по нечетным?

Мой друг взглянул на свои часы и, недобрым словом помянув черта, пробормотал:

— Я упустил из виду, что у них сейчас начался обеденный перерыв. Придется ждать еще час с четвертью.

— Час с четвертью?! Но ведь на наших глазах первая «тройка» ушла сорок минут тому назад.

— Ничего особенного. На конечной остановке первые дождутся последних и организовано, в положенное время, пойдут

в столовую. А потом так же организованно стадом выйдут на маршрут. А как же! Трудовая дисциплина!

Какая, говорю, дисциплина, когда да-же нигде расписания нет.

Друг значительно повел носом снизу вверх и загадочно улыбнулся:

— У них видишь ли, «скользящий» график. Во вчерашнюю субботу они курсировали по графику первого понедельника октября месяца каждого года, оканчивающегося на пятерку или нуль, и четвертой среды апреля тех лет, сумма цифр которых без остатка делится на три. А сегодняшнее воскресенье соответствует второй пятнице декабря ежегодно и третьему вторнику июня месяца високосного года. Так что через десять минут подойдет. А насчет посадки не беспокойся. Наш автопассажир дисциплинирован. Так по порядку культурненько и войдем.

Наконец, показался целый поезд «троек» в сторону города. Первые, заполненные под самую крышу, проследовали транзитом. Последний остановился и гостеприимно раскрыв заднюю дверь против хвоста очереди. Не устояв перед искушением, дрогнул хвостовой автопассажир. Передний же предпринял все меры, чтобы отстоять свои законные права. Послышался треск отдираемых рукавов и drobный стук пуговиц, посыпавшихся на землю, подобно переспевшей ягоде. Транзитные пассажиры в автобусе ворчали на внеавтобусных:

— Эх их избаловали этими автобусами! До трамвая вручную дойти — час ходьбы, так нет же: ждут, лезут, давятся!..

Автобус тронулся. Из дверей торчали ущемленные сумки и головы. Взорами, полными тоски и зависти, проводили мы уехавших.

— Ты не думай, что у нас с транспортом вообще плохо, — заговорил мой друг после скорбного пятиминутного молчания, — это только по выходным дням да в «часы пик». А есть еще «дни пик» и «месяцы пик»: летом — футбол, зимой — хоккей, весной и осенью — картошка. А в остальное время — очень даже хорошо. Конечно, бывают и минусы. Летом, например, снимают с маршрута по заявкам на различные пикники. С малозагруженных маршрутов нельзя: очень уж заметно. А здесь — без ущерба: тысячей больше или меньше ожидающих пассажиров — какая разница? Ну, и зимой, если уж случится иногда такое, что мороз заломит градусов на пятнадцать, так тогда они долго не могут их завести. Выходят на

маршрут в девять вместо шести. Да еще по каким-то дням и часам — закономерность пока еще не установил — у них не бывает горючего, либо резины.

— Как же ты едешь на работу?

— Конечно, бывает несколько затруднительно, если они начинают сновае друг за другом через каждые пятьдесят минут. Но если мне не удастся уехать в город прямо, я сажусь в круговую. Так мы сейчас кстати и сделаем.

Мы перешли на противоположную площадку. Друг продолжал:

— А если и здесь не удастся, тогда я запрыгиваю на ходу в кузов самосвала или же иду пешком. Во всяком случае, еще ни разу не опаздывал на работу по вине транспорта... Оно и сейчас не мешало бы пешком, да — видишь? — с ногой у меня оказия. Вот так же на днях сиделся в автобус, ну и повредили немножко.

Через час, втиснувшись в автобус, мы ликовали. Но преждевременно: на конечной остановке пришлось выйти, потому, что автобус шел на заправку. А потом, как пояснил друг, — пересменка.

— В таких случаях я иду на пятый номер трамвая, еду до кольца и пересеживаюсь на первый номер. Так мы сейчас немедленно и сделаем, — решил мой друг, — потому что нам надо спешить, чтобы успеть на электричку в обратный путь из парка.

И мы спешили так, что под нами чуть не пали в мыльной пене оба трамвая и автобус до парка. В десять минут шестого были уже на месте. А парк ваш действительно замечателен. В течение двадцати минут мы там блаженствовали: обедали, купались, загорали. Потом пошли на электричку.

До города добрались очень быстро. Да и на нашу «тройку» попали сравнительно хорошо: в одиннадцатом часу были уже дома. Как всегда бывает после купания и солнечных ванн, мы ощущали приятную усталость во всем теле. Сразу же заснули богатырским сном.

Назавтра собрались в драмтеатр. Друг мой предварительно проделал несложные математические выкладки:

— Пятнадцать минут на автобус, плюс семь минут на трамвае. Выйдем из дому за три часа до начала спектакля — будет в самый раз.

Автобусов было мало. Друг пояснил, что по понедельникам шоферам дают отгул за воскресенье. До ихнего обедедного перерыва уехать не сумели: наша очередь не подошла. После обеда попали в послед-

ний из трех курсирующих автобусов. И очень удачно: до начала представления оставалось ровно полчаса. Проехали благополучно не менее сотни метров. А потом под нами раздался оглушительный грек и скрежет, машина задрожала всем корпусом в предчувствии своей неминуемой кончины.

Мы вышли, оставив в развалившемся автобусе свои последние надежды. С мину-

ту задумчиво рассматривали друг у друга туфли.

— Как же теперь быть? — прервал я молчание.

Мой друг довольно мрачно ответил:

— Зайдем в «Гастроном». Это недалеко. Пешком.

«Гастроном» мне очень понравился. Настолько понравился, что мы с другом стали забегать туда ежедневно. А иногда даже дважды.

СПОРТИВНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Перед футбольным матчем в раздевалке при закрытых дверях и выставленных наблюдателях состоялось совещание обеих команд. На трибуну, обязанности которой исполнял обыкновенный футбольный мяч, взмошел одной ногой капитан хозяев поля Пробкин. Подбоченясь, он принял величественную и горделивую позу, как будто единолично выиграл матч у Киевского «Динамо». Однако в его голосе проскальзывали отдельные нотки, невольно вызывающие желание пошарить по карманам и пожертвовать ему кто сколько может очков.

— Итак, дорогие друзья, — продолжал оратор после того, как смастерил по комплименту на каждого гостя и еще два для общего пользования, — нам предстоит сыграть последний матч в этом сезоне. Вы уже обеспечили себе первое место, и я искренне поздравляю вас со званием чемпионов области. К нам же фортуна повернулась спиной. Чтобы удержаться в первой группе, сегодня нам нужен только выигрыш!

Среди гостей раздался противоречивые мнения. Но в конце концов решили из чувства спортивной солидарности выручить хозяев поля. Свои, дескать люди, — сочтемся.

Теперь на футбольный мяч встал капитан гостей:

— Значит, так... На сухой, а тем более разгромный счет мы, конечно, не пойдем. Как-никак — чемпионы. Престиж...

— Само собой, — сказали хозяева, — нам бы два — один, и дело в шляпе.

— Ну что ж! Это можно. Только первый гол забиваем мы. Затем вы сразу активизируетесь. Это будет очень правдоподобно. Ну, а потом... мы не будем очень мешать вашему нападению. В итоге два — один в вашу пользу.

Начался матч. Игра шла как по писаному. Согласно соответствующему параграфу соглашения, гости вышли вперед: один — ноль. Хозяева заметно активизировались и показали интересную коллективную игру: бегали за мячом всей ватагой, включая подчас и вратаря, поскольку безопасность его ворот теперь была гарантирована вышеупомянутым пактом. Мяч ушел за лицевую линию. Последовала стандартная, но блестяще разыгранная комбинация: вратарь хозяев Черепахин выбрасывает мяч своему защитнику, потом следует обратный пас. Черепахин поистине в акробатическом прыжке плюхается наземь в тот самый момент, когда мяч остатками инерции касается сетки ворот. В итоге — 2:0.

Теперь гостям приходится прилагать все усилия, чтобы уйти от нависшей над ними угрозы выигрыша. Они создают ряд

острых моментов на своей штрафной площадке. Их защитнику удается завладеть мячом, который, казалось, до конца тайма надежно застрял в частокле ног хозяйской ватаги. Он врывается в свою штрафную площадку, нагибается, отвешивает звонкую пощечину мячу и вскидывает вверх воровскую десницу.

Судья устанавливает мяч на одиннадцатиметровую отметку.

Грациозно играя всем корпусом и каждым отдельным мускулом, к мячу с уверенной улыбкой подходит лучший бомбардир хозяев Кривоногов. Вратарь гостей, опершись о штангу, напряженно устремил взор поверх забора: там из раскрытого окна на пятом этаже слышались упоительные звуки ультрасовременной какофонии. Свисток! Удар!! Вратарь собирается вынуть мяч из ворот но... мяч очень точно поразил двойку на табло, проскользнув над перекладной ворот буквально в десяти метрах.

Мяч снова в игре. Капитан гостей острым маневром отлучает от хозяйской гурьбы их лидера атак и выводит его на удар. Вратарь гостей устремляется навст-

речу, чтобы общими усилиями закатить мяч к себе в ворота.

— Ах, так-то ты выполняешь договор?! — процедил сквозь зубы лидер атак Несмыслов и, вложив в удар все свое негодование, отбил мяч назад. Этот пас был неожиданным для защитника Зевако и мяч, словно пойманная птица, тревожно затрепыхался в сетке ворот. На табло — 3:0. Надо воздать должное исключительно упорству и мужеству хозяев поля: они не пали духом и до последнего момента не теряли надежды на выигрыш.

Матч закончился со счетом семь — ноль в пользу гостей. Заключительный гол на последней секунде красиво забил сам Пробкин, который в стремлении во что бы то ни стало выиграть и в спортивном азарте немного перепутал ворота.

Гости понуро брели в раздевалку. Они не сдержали слова и готовы были провалиться сквозь футбольное поле от стыда за хозяев.

А хозяева возмущенно потрясали кулаками вслед вероломным гостям.

г. Прокопьевск.

П. Гурский

НА ПРОХОДНОЙ

Столяр мебельной фабрики Паша Лыков сделал ящичек под цветы — жена наказала. Удобный такой, аккуратный, и материал ничего не стоит — государственный. Одно лишь мучило Лыкова — как через проходную ящичек протаскать. Увидит вахтер, скажет — воровство. Ну, и пойдет... товарищеский суд и все такое прочее.

Пораздумав, Лыков насыпает в ящик песок и со спокойной совестью идет к проходной.

— Что несешь? — спрашивает вахтер.

— Песок.

— А что в песке, покажи.

Лыков уверенно высыпает песок на землю.

Вахтер пошуровал в песке носком сапога, сказал:

— Ладно, забирай свой песок...

Паша Лыков снова насыпает песок в ящичек, уходит, а вахтер никак не может сообразить, зачем человеку песок тащить с фабрики, когда кругом его хоть лопатой гребь.

Салаир.

Дорогие читатели!

AM

нравилось
предыдущих
попнрави-
материалы
альманаха?

Большая у нас к

ли вам содержи
номеров альмана
лось и что не
хотели бы вы
Ждем ваш

**ОГНИМ
КУЗБАССА**

КЕМЕРОВО • 1968

